

МИРОВОЙ СУДЬЯ

Коллизии исчисления сроков наложения ареста на имущество и предварительного расследования при приостановлении производства по делу

К вопросу об определении компетентности кандидатуры судебного эксперта

О понятии института финансирования судебных расходов третьими лицами

К вопросу о доказывании по делам о лишении родительских прав

юрист
издательская группа

№ 10
2021

МИРОВОЙ СУДЬЯ № 10 2021

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ.

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Рег. ПИ № ФС77-29335 от 24 августа 2007 г. Выходит ежемесячно. Издается с 2003 г.

Учредитель журнала — Издательская группа «Юрист»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Дорошков Владимир Васильевич,
профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса
и криминалистики МГИМО МИД России, секретарь Пленума,
судья Верховного Суда РФ (в отставке), заслуженный юрист РФ,
доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент
Российской академии образования

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Апостола Наталья Николаевна,
профессор кафедры процессуального права Южно-Российского института
управления Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ, доктор юридических наук, доцент

Воскобитова Лидия Алексеевна,
заведующая кафедрой уголовно-процессуального права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

Головкин Леонид Витальевич,
заведующий кафедрой уголовного процесса, правосудия
и прокурорского надзора Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор

Каплина Оксана Владимировна,
заведующая кафедрой уголовного процесса
Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого
(г. Харьков, Украина), доктор юридических наук, профессор

Лазарева Валентина Александровна,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
национального исследовательского университета имени С.П. Королева,
доктор юридических наук, профессор

Павликов Сергей Герасимович,
руководитель Департамента правового регулирования экономической
деятельности Финансового университета при Правительстве РФ,
доктор юридических наук, профессор

Патов Николай Александрович,
проректор Московского психолого-социального университета (МПСУ),
доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор,
академик Российской академии образования

Попов Иван Алексеевич,
главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра № 5
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России,
заслуженный юрист РФ, почетный сотрудник Министерства внутренних
дел РФ, доктор юридических наук, профессор

Примаков Татьяна Клавдиевна,
заведующая кафедрой гражданского права и процесса
Балтийского федерального университета имени И. Канта,
доктор юридических наук, профессор

Сачков Андрей Николаевич,
судья Ростовского областного суда, профессор кафедры теории и истории
государства и права Ростовского филиала «Российский государственный
университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

Колоколов Никита Александрович,
судья Верховного Суда РФ (в отставке), доктор юридических наук, профессор

Главный редактор Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор,
член-корреспондент Российской академии образования

Заместители главного редактора Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н., Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

Редакция: Лаптева Е.А., Соловьева Д.В.

Научное редактирование и корректура: Швечкова О.А., к.ю.н.

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

Телефон редакции: (495) 953-91-08.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки: (495) 617-18-88 (многоканальный).

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Подписка по России: «Объединенный каталог. Пресса России» — инд. 15093,
«Почта России» — П1700, а также на сайте: www.lawinfo.ru

Содержание

Судебная власть

**Лонская С.В., Фадеева Е.С.,
Плотникова Э.О.** Профессиональная
субкультура мировых судей
(по результатам исследования
в Калининградской области). Часть 2 2

Уголовное судопроизводство

Ковтун Н.Н. Коллизии исчисления сроков
наложения ареста на имущество
и предварительного расследования при
приостановлении производства по делу 7

Пупышева А.А. Особые производства
в современном дифференцированном
уголовном процессе России: виды,
взаимодействие с основным производством,
способы нормативного выражения в УПК РФ 12

Ярков А.А. К вопросу об определении
компетентности кандидатуры
судебного эксперта 21

Гражданское судопроизводство

Михайлова Е.В. К вопросу о понятии
института финансирования судебных
расходов третьими лицами 25

Котлярова В.В. К вопросу
о доказывании по делам о лишении
родительских прав 33

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Использование материалов в других изданиях допускается только
с письменного согласия редакции. Ссылка на журнал обязательна.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией
при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации
для публикации основных результатов диссертаций на соискание
ученых степеней кандидата и доктора наук
(12.00.09; 12.00.10; 12.00.11; 12.00.15 — юридические науки).

Вниманию наших авторов!

Материалы журнала размещаются в электронной
справочно-правовой системе «КонсультантПлюс».

Формат 170х252. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Физ. печ. л. 3,0.
Усл. печ. л. 3,0. Цена свободная. Тираж 4000 экз. ISSN 2072-4152.

Отпечатано в типографии «Национальная полиграфическая группа».
248031, г. Калуга, п. Северный, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Номер подписан в печать: 10.09.2021. Выход в свет: 23.09.2021.

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного
разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Журнал включен в базу данных Российского индекса
научного цитирования (РИНЦ) **eLIBRARY.RU**

Профессиональная субкультура мировых судей (по результатам исследования в Калининградской области) Часть 2*

Лонская Светлана Владимировна,
профессор кафедры теории и истории государства и права
Балтийского федерального университета имени И. Канта,
доктор юридических наук, доцент
SLonskaya@kantiana.ru

Фадеева Елена Сергеевна,
старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права
Балтийского федерального университета имени И. Канта
EFadeeva1@kantiana.ru

Плотникова Элина Олеговна,
секретарь судебного заседания отдела обеспечения
судопроизводства по уголовным делам
Калининградского областного суда,
магистр права
elina.plotnikova.95@mail.ru

Во второй части статьи представлены результаты исследования профессиональной субкультуры мировых судей в Калининградской области, проведенного в 2018–2020 гг. Дана общая характеристика структуры корпуса мировых судей в Калининградской области; выявлены базовые культурно-профессиональные ценности, нормы и установки мировых судей, определяющие их деятельность; установлены связи между профессиональным бэкграундом мирового судьи и осознанием им миссии своей деятельности. Исследование показало, что мировые судьи в Калининградской области ощущают себя частью единой судебной системы России, ощущают принадлежность к единому судебскому сообществу, их корпоративная культура достаточно монолитна. Мировая юстиция рассматривается мировыми судьями в Калининградской области преимущественно в русле нормативных (статутных) ценностей: как инструмент обеспечения законности и защиты прав и свобод человека и гражданина, в основе эффективного функционирования которого лежат такие качества мирового судьи, как профессионализм, справедливость, компетентность, независимость. Доктринальные ценности осознаются слабее. Отмечены факторы формирования профессиональной субкультуры: доминирование женщин в составе судебского корпуса, аппаратный профессиональный бэкграунд, низкая территориальная мобильность. Дальнейшее исследование выявленных характеристик и факторов, в том числе не только в рамках одного субъекта Российской Федерации, представляется перспективным направлением в изучении института мировых судей, проведении мониторинга органов публичной власти.

Ключевые слова: мировая юстиция, мировые судьи, правовая культура, профессиональная субкультура, анкетирование, Калининградская область.

Согласно данным, представленным на официальном сайте Управления судебного департамента в Калининградской области, корпус мировых судей представлен 48 судьями, из которых 42 человека (87,5%) — женщины, 6 чело-

век (12,5%) — мужчины¹. Из принявших участие в анкетном опросе 36 женщин (90%),

¹ Судебные участки мировых судей Калининградской области // Официальный сайт Управления судебного департамента в Калининградской области. URL: <http://usd.kln.sudrf.ru/modules>.

* Часть 1 опубликована в № 9. С. 3–9.

4 мужчин (10%), что очень близко к соотношению по генеральной совокупности.

90% опрошенных мировых судей Калининградской области относятся к возрастной категории до 55 лет, при этом к категориям 25–40 лет и 41–55 лет — по 45% соответственно. 10% опрошенных мировых судей — лица в возрасте старше 55 лет.

Для 72,5% респондентов юридическое образование — первое и единственное высшее образование, 27,5% (11 человек) получали юридическое образование как второе высшее. 80% мировых судей, принявших участие в анкетировании, получали высшее юридическое образование в Калининградской области, половина из них (40%) являются выпускниками БФУ им. И. Канта (РГУ им. И. Канта, КГУ). При этом по очной форме обучались 12 человек (30%), включая 6 человек, обучавшихся в БФУ им. И. Канта.

До наделения полномочиями мирового судьи большинство респондентов (77,5%) осуществляли профессиональную деятельность в аппарате судов. Пять человек (12%) пришли в судебную систему из юридических служб государственных организаций, один из них имеет также опыт работы в юридических службах коммерческих организаций. Еще два респондента (5%) работали в следственных органах (Следственный комитет, прокуратура, МВД). Всего один мировой судья из опрошенных имеет опыт работы в прокуратуре (в следственных подразделениях). Еще один мировой судья не дал четкого ответа о предыдущем месте работы, отнеся свое предыдущее место работы к категории «разное».

Отвечая на вопрос о том, в чем заключается главная миссия мирового судьи, на первое место мировые судьи ставят такие категории, как обеспечение законности и защита прав и свобод человека и гражданина, являющиеся принципами функционирования не только судебной системы, но и всего государственного аппарата. Оди-

наковый ранг получили обеспечение справедливости и защита интересов государства.

Из результатов ранжирования вариантов ответов видно, что идея о доступности правосудия мировых судей, являющаяся в науке одной из центральных идей мировой юстиции, занимает в правосознании мировых судей среднюю позицию среди вариантов того, что составляет основное предназначение мировой юстиции. Функции разрешения конфликтов и примирения сторон мировые судьи не считают своей основной миссией. Прагматическая установка (также одна из концептуальных) «разгрузить федеральные суды» рассматривается мировыми судьями как значимая в последнюю очередь.

При исследовании профессиональной субкультуры судей также было уделено внимание тому, как влияет на профессиональные установки и ценности судей их социально-демографический статус². Нами также был проанализирован вопрос, имеет ли значение для осознания мировым судьей своей основной миссии его предыдущая профессиональная деятельность («профессиональный бэкграунд»). Среди мировых судей, пришедших в должность судьи из аппаратов судов, большинство (90%) видят свою миссию в обеспечении законности и защите прав и свобод человека и гражданина.

Респонденты, пришедшие в судебную систему из следственных органов, также видят главную миссию мирового судьи в обеспечении законности. Мировые судьи, имевшие опыт работы в прокуратуре, предназначение своей деятельности рассматривают через категорию справедливости.

Среди тех, кто имел опыт работы в юридических службах государственных организаций (5 человек), ответы распределились равномерно на такие варианты, как: обеспечение за-

² Российские судьи: социологическое исследование профессии: монография / под ред. В. Волкова. М., 2016. С. 170; Satarov G. Social Empathy in the Legal Consciousness of Russian Judges // Social Sciences. 2017. Vol. 48 (003). P. 61.

php?id=47&name=information (дата обращения: 15.12.2018).

конности, обеспечение доступности правосудия, разрешение конфликтов, примирение сторон и разгрузить федеральные суды. 40% респондентов в данной категории видят свою миссию в примирении сторон и обеспечении доступности правосудия (по 20% соответственно), т.е. в тех идеях, которые являются концептуальными для мировой юстиции.

Из результатов ответов на вопрос о том, какими качествами должны обладать мировые судьи в первую очередь, видно, что мировой судья должен быть прежде всего справедливым, компетентным и независимым. Такие качества, как дисциплинированность, внимательность и аккуратность, являются, по мнению мировых судей, менее весомыми в их деятельности.

Для выявления отношения мировых судей к проблеме установления объективной истины в результате осуществления правосудия было предложено четыре варианта ответа. Большинство мировых судей (67,5%) утвердительно ответили на поставленный вопрос. 12,5% респондентов (5 человек) полагают, что нахождение судьей объективной истины является не всегда возможным и необходимым, поскольку именно для этого и существуют вышестоящие инстанции. Ответов, отрицающих возможность установления объективной истины при рассмотрении дела мировым судьей, получено не было. Тем не менее для пятой части (20%) мировых судей данный вопрос стал затруднительным.

Безусловно, проведенное исследование характеризуется и некоторыми ограничениями. Так, опрос проводился в рамках только одного субъекта Российской Федерации, где число мировых судей невелико и составляет всего лишь около 1% от общего их числа по всей стране. Предложенных для ответа вопросов было немного. Ответы на вопросы можно рассматривать как «ожидаемые», но следует учитывать, что вопросы адресовались не к обывателям на улице, а к лицам, находящимся в момент анкетирования в определенном статусе

и в определенном месте. Отвечая на вопросы анкеты в здании суда, осознавая, что эти вопросы связаны со служебной деятельностью, мировой судья априори будет давать на них ответы не просто как человек и гражданин, но прежде всего как «человек в судейской мантии», и этот фактор, несомненно, влияет на итог.

В целом характеризуя результаты исследования, можно сделать вывод, что по основным параметрам характеристика профессиональной субкультуры мировых судей в Калининградской области совпадает с общероссийскими оценками³.

Основное предназначение своей деятельности мировые судьи в Калининградской области видят в обеспечении законности. Разрешение дел на основе норм закона — довольно свойственное для судейского сообщества понимание природы своей деятельности⁴. Толкование закона, выбор применимого права и заполнение пробелов в законодательстве признаются важными аспектами судебной деятельности⁵. Таким образом, легализм, присущий судейскому корпусу, который фиксируется в общероссийских исследованиях⁶, характерен и для мировых судей в Калининградской области.

В целом приверженность именно статутным ценностям и нормам, демонстрируемая мировыми судьями в Калининградской области, свидетельствует

³ Волков В., Дмитриева А. Российские судьи как профессиональная группа: ценности и нормы // Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права / под ред. В.В. Волкова. М., 2012; Российские судьи: социологическое исследование профессии: монография / под ред. В. Волкова. М., 2016; Волков В., Дмитриева А. Источники рекрутирования, гендер и профессиональные субкультуры в российской судебной системе // Социология власти. 2015. № 2. С. 94–134.

⁴ Clayton C. Judging Judges: Values and the Rule of Law // Law & Society Review. 2015. Vol. 49. № 4. P. 1025.

⁵ Zhu F. On Active Power of Civil Judges // Chinese Law Review. 2017. № 32. P. 117.

⁶ Российские судьи: социологическое исследование профессии: монография / под ред. В. Волкова. М., 2016. С. 123.

не только о легализме (как знании буквы закона), но и об определенной монолитности корпоративной судебской культуры, формируемой через соответствующие правовые акты и корпоративные практики. Однако когда речь идет о категориях больше доктринальных, нежели формальных (разгрузка федеральных судов, объективная истина и т.д.), то этим ценностям либо не придается большого значения, либо (а возможно и вместе с этим) испытывается затруднение в выражении к ним собственного отношения. Очевидно, научная составляющая в структуре профессиональной переподготовки и повышения квалификации мировых судей еще оставляет желать лучшего, выше должна быть роль доктрины в формировании профессиональной правовой культуры судей.

Не отличается в целом и социально-демографический состав мировых судей в Калининградской области от общероссийского. Подавляющее большинство мировых судей — женщины, главный источник рекрутирования — аппарат органов судебной власти. Эти характеристики закрепляют монолитность профессиональной субкультуры мировых судей.

Отдельно отметим низкую территориальную мобильность мировых судей в Калининградской области: большинство из них получили высшее юридическое образование здесь же, в этом достаточно небольшом по численности населения и количеству юридических вузов регионе. Данный фактор также усиливает локальность и монолитность профессиональной культуры.

В качестве одного из основных выводов проведенного исследования можно отметить тот факт, что мировые судьи в Калининградской области ощущают себя частью единой судебной системы Российской Федерации и руководствуются в своей деятельности общими профессиональными ценностями и установками. Единство судебного пространства (по крайней мере в его культурно-правовом срезе) — реальность, которая не расшатывается, например, особым гео-

политическим положением или особой идентичностью.

В научной литературе предложена классификация судей в зависимости от той социальной роли, которую они считают для себя преобладающей. В рамках данной классификации выделяются четыре категории: общественный деятель, поставщик услуг, самоограничение, защитник статус-кво⁷. Сопоставление указанных типов представителей судебского сообщества с результатами опроса, на наш взгляд, позволяет отнести мировых судей в Калининградской области к категории «общественных деятелей», которые стремятся обеспечить законность и справедливость в общественной жизни, а также защитить права и свободы человека и гражданина.

Полагаем, имеют дальнейшую исследовательскую перспективу выявленные характеристики и факторы формирования профессиональной субкультуры мировых судей в Калининградской области: приверженность статутным ценностям и нормам, легализм, недостаточное осознание доктринальных категорий и ценностей, доминирование женщин в составе судебского корпуса, аппаратный профессиональный бэкграунд, низкая территориальная мобильность. Подобные исследования могут проводиться и по другим субъектам Российской Федерации, в том числе в сравнительно-правовом аспекте.

Проведенное исследование, как представляется, есть основания рассматривать и как часть правового мониторинга судебной деятельности⁸, предметом которого может выступать в том числе и профессиональная культура мировых судей. Как известно, в процессе мониторинга могут быть исследованы различные аспекты организации и функциони-

⁷ Gomes A.O., Guimaraes T.A., de Souza E.C.L. Judicial Work and Judges' Motivation: The Perceptions of Brazilian State Judges // *Law & Policy*. 2016. № 38(2). P. 162.

⁸ Лапаева В.В. Анализ качества судебной деятельности в процессе правового мониторинга (вопросы теории и методологии) // *Законодательство и экономика*. 2009. № 10. С. 7.

рования институтов публичной власти. Мониторинговое исследование может быть направлено и на изучение корпуса мировых судей как одного из элементов института мировой юстиции с точ-

ки зрения структурно-функционального подхода⁹.

⁹ Лонская С.В. Мировая юстиция с точки зрения структурно-функционального подхода // Мировой судья. 2017. № 7. С. 19.

Литература

1. Волков В. Источники рекрутирования, гендер и профессиональные субкультуры в российской судебной системе / В. Волков, А. Дмитриева // Социология власти. 2015. № 2. С. 94–134.
2. Волков В. Российские судьи как профессиональная группа: ценности и нормы / В. Волков, А. Дмитриева // Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права : сборник статей / под редакцией В.В. Волкова. Москва : Статут, 2012. С. 128–155.
3. Лапаева В.В. Анализ качества судебной деятельности в процессе правового мониторинга (вопросы теории и методологии) / В.В. Лапаева // Законодательство и экономика. 2009. № 10. С. 7–16.
4. Лонская С.В. Мировая юстиция с точки зрения структурно-функционального подхода / С.В. Лонская // Мировой судья. 2017. № 7. С. 17–21.
5. Российские судьи: социологическое исследование профессии : монография / под редакцией В. Волкова. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2015. 272 с.

References

1. Clayton C. Judging Judges: Values and the Rule of Law / C. Clayton // Law & Society Review. 2015. Vol. 49. Iss. 4. P. 1025–1027. DOI: 10.1111/lasr.12171.
2. Gomes A.O. Judicial Work and Judges' Motivation: The Perceptions of Brazilian State Judges / A.O. Gomes, T.A. Guimaraes, E.C.L. de Souza // Law & Policy. 2016. Vol. 38. Iss. 2. p. 162–176. DOI: 10.1111/lapo.12050.
3. Satarov G. Social Empathy in the Legal Consciousness of Russian Judges / G. Satarov // Social Sciences. 2017. Vol. 48. Iss. 003. P. 51–62. DOI: 10.21557/ssc.49373410.
4. Zhu F. On Active Power of Civil Judges / F. Zhu // Chinese Law Review. 2017. Vol. 32. P. 117–141. DOI: 10.22415/clr.2017.32.005.

Почему важен DOI и как это влияет на качество научной информации и ее последующее цитирование?

DOI значительно облегчает процедуры цитирования, поиска и локализации научной публикации.

DOI повышает авторитет журнала, он свидетельствует о технологическом качестве издания.

DOI является неотъемлемым атрибутом системы научной коммуникации за счет эффективного обеспечения процессов обмена научной информацией.

При цитировании статьи с DOI одним из журналов, входящих в Scopus, Web of Science или какую-либо другую престижную библиографическую базу, данные статьи и автора также заносятся в эти базы.

Все журналы, входящие в Scopus, Web of Science и Springer, в обязательном порядке присваивают своим статьям DOI.

Как ссылаться на статью с DOI?

Альханова Г.К. Построение «дома качества» для сливочного масла / Г.К. Альханова, Р.В. Залилов, Б.К. Асенова // Международный научно исследовательский журнал. 2015. № 7 (38). Часть 1. № 7–1 (38). С. 6–10. DOI: 10.18454/IRJ.2015.0001

Как проверить DOI статьи?

DOI, присвоенный любой организацией, можно проверить непосредственно на сайте IDF DOI: <http://www.doi.org/>

Коллизии исчисления сроков наложения ареста на имущество и предварительного расследования при приостановлении производства по делу

Ковтун Николай Николаевич,
профессор кафедры уголовного процесса
Нижегородской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
kovtunnov@mail.ru

Предметом исследования в данной работе выступает несколько завуалированная нормативно-правовая коллизия, связанная с соотношением (правильным исчислением) сроков предварительного расследования по делу и сроков действия меры процессуального принуждения наложение ареста на имущество, пока не разрешенная ни посредством правовых позиций высшего органа конституционного правосудия России и Верховного Суда РФ, ни посредством внесения последних новаций в уголовно-процессуальный закон.

Ключевые слова: срок наложения ареста на имущество, срок предварительного расследования, приостановление производства по делу, приостановление и исчисление срока, предмет проверки и оценки суда при установлении (продлении) очередного срока наложения ареста на имущество.

Оговоримся, в силу известных новаций законодателя и правовых позиций высшего органа конституционного правосудия России и Верховного Суда Российской Федерации предметом исследования в данной работе в принципе не являются вопросы, связанные:

— с сутью и целями наложения ареста на имущество (счета, ценные бумаги) тех или иных фигурантов уголовного судопроизводства России как меры процессуального принуждения временной, призванной исключительно к обеспечению задач предварительного расследования и (или) судебного рассмотрения дела; как следствие, утрачивающей телеологическое свое назначение с вступлением итогового процессуального акта в законную силу (п. 8 ч. 2 ст. 213, п. 2 ч. 2 ст. 339, п. 11 ч. 1 ст. 299 УПК РФ)¹;

— с основаниями права лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми по уголовному делу или материально ответственными за их криминальные действия, на материальную компенсацию при нарушении разумного срока действия (применения) указанной меры²;

— с принципиально отличным предметом проверки суда (в том числе функционирующего в порядке ст. 165 УПК РФ) при рассмотрении вопроса о продлении действия указанной меры в отношении имущества собственно подозреваемых, обвиняемых по уголовному делу и лиц, несущих (в силу закона) материальную ответственность за их действия и имущество иных лиц, не имеющих отношения к этой подгруппе субъектов³.

¹ См., напр.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2011 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой ст. 115, п. 2 части первой ст. 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого п. 1 ст. 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами закрытого акционерного общества

«Недвижимость-М», общества с ограниченной ответственностью «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л.И. Костаревой» // СЗ РФ. 2011. № 6. Ст. 897; и др.

² Подробнее см.: Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // СЗ РФ. 2010. № 18. Ст. 2144.

³ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2014 г.

Каждый из этих моментов в той или иной мере уже исследован в доктрине российского уголовно-процессуального права, более или менее адекватно воспринят судебной практикой; прошел апробацию в прецедентах — эталонах применения права⁴; как следствие, очередные повторы в этих вопросах вряд ли оправданы. В итоге мы остановимся лишь на моментах, которые остались вне внимания как высшего органа конституционного правосудия России и Верховного Суда РФ⁵, так и усилий уголовно-процессуальной доктрины. Речь о диалектике нормативных условий, формирующих основание для законного и обоснованного приостановления производства по делу, срока предварительного расследования и срока (возможного) продления судом наложения ареста на имущество в порядке ст. 115.1 УПК РФ. Особую остроту эта диалектика объективирует для ситуаций, связанных с приостановлением производства по делу по основаниям п. 1 и 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Для понимания сути (заявленной) проблемы, обратимся к букве закона:

а) при решении вопроса о наложении ареста на имущество суд должен ... установить ограничения, связанные с владением, пользованием, распоряжением арестованным имуществом, и **ука-**

зать срок, на который налагается арест на имущество, **с учетом установленного по уголовному делу срока предварительного расследования** (ч. 3 ст. 115 УПК РФ). Как видим, по букве закона и в соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда РФ суд при решении вопроса о применении указанной меры императивно связан действующими сроками предварительного расследования. В итоге, определяя дату, до которой устанавливается арест на имущество, суд (вне зависимости от срока, испрашиваемого в следственном ходатайстве) не вправе выйти за пределы срока предварительного следствия или дознания, установленного законом (ст. 162, ч. 3–4 ст. 223 УПК РФ). Укажем и то, что при «первичном» разрешении ходатайства следственных органов, внесенного в суд в порядке ст. 115, ч. 1–4 ст. 165 УПК РФ, суд в принципе не связан с ограничениями в отношении арестованного имущества; причем вне зависимости от статуса субъектов, на чье имущество накладывается арест⁶;

б) в случаях истечения установленного судом срока ареста, наложенного на имущество лиц, **не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми** или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия, **или приостановления предварительного следствия** по основаниям, предусмотренным ч. 1 ст. 208 УПК РФ, следователь с согласия руководителя следственного органа ... не позднее чем за 7 суток до истечения срока ареста ... или до приостановления предварительного следствия возбуждает перед судом ходатайство о продлении срока ареста ... о чем выносит соответствующее постановление (ч. 2 ст. 115.1, ч. 7 ст. 208

№ 25–П «По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В.А. Шевченко и М.П. Эйдлен» // СЗ РФ. 2014. № 44. Ст. 6128.

⁴ См., напр.: Никифорова Е.Ю., Меженина Е.В. О сроках и пределах наложения ареста на имущество при производстве по уголовному делу // Сибирское юридическое обозрение. 2020. Том. 17. № 2. С. 237–242; Булатов Б.В., Дежнев А.С. Место наложения ареста на имущество в системе уголовно-процессуального законодательства: история и современность // Научный вестник Омской академии МВД России. 2016. № 2 (61). С. 18–23.

⁵ См., напр.: Обзор практики рассмотрения судами ходатайств о наложении ареста на имущество по основаниям, предусмотренным частью 1 статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27.03.2019 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Аналогичный императив действует для продления срока содержания обвиняемого под стражей в порядке ст. 109 УПК РФ, что еще раз свидетельствует об однозначности позиций закона в этих вопросах. См.: Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.01.2017. URL : <https://sudact.ru/law/obzor-praktiki-rassmotreniia-sudami-khodataistv-ob-izbranii/> (дата обращения: 05.08.2021).

УПК РФ). Здесь воля закона — принципиально иная.

Во-первых, закон апеллирует к системе (якобы) дополнительных процессуальных гарантий в отношении имущества тех лиц, которые не являются подозреваемыми, обвиняемыми по уголовному делу или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия. Суть этих «гарантий» в том, что ходатайство следственных органов о продлении срока ареста должно быть возбуждено перед судом не позднее 7 суток, до истечения ранее установленного (судом) срока. Между тем нет ни малейших сомнений в том, что эта же норма-гарантия должна быть соблюдена и в отношении арестованного имущества подозреваемых (обвиняемых), так как «автоматического» продления указанной меры в отношении данных субъектов закон в принципе не предусматривает. Отсюда и акцентирующие моменты закона в этих аспектах — явно излишни.

Во-вторых, принимая во внимание известные правовые позиции высшего органа конституционного правосудия, законодатель императивно настаивает на оперативной судебной проверке (ч. 2 ст. 115.1, ч. 1–4 ст. 165 УПК РФ) дальнейшей необходимости применения указанной меры в случае приостановления производства по делу по основаниям ч. 1 ст. 208 УПК РФ. При этом настаивает вне ранее озвученных апелляций к имуществу и правам тех лиц, которые не являются подозреваемыми, обвиняемыми по данному делу или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия. Сам факт длительного приостановления производства по делу (с его известными негативными следствиями для заинтересованных лиц) суть легальное основание для подобной проверки.

В-третьих, для ситуации приостановления производства по делу по основаниям ч. 1 ст. 208 УПК РФ суд (по итогам проверки) выносит постановление об отмене ареста, наложенного на имущество, либо о продлении срока ареста. Однако в последнем случае: исключительно **в виде запрета распоряжаться этим имуществом**

в части его отчуждения или уничтожения (ч. 5 ст. 115.1 УПК РФ). Иные судебные ограничения в виде запрета владения или пользования арестованным имуществом для ситуации приостановления производства по делу теряют свою актуальность. Последнее в соответствии с (широко озвученными) позициями Конституционного Суда РФ, скорее всего, призвано минимизировать негативные следствия продолжаемого ареста имущества.

Казалось бы, данные правовые позиции учтены максимально, необходимые новации в закон внесены; в итоге все более или менее согласовано. Однако мы возразим, возразим однозначно. И прежде всего в силу того, что, апеллируя в целом к основаниям приостановления производства по делу, предусмотренным ч. 1 ст. 208 УПК РФ, законодатель не принял во внимание специфику отдельных из них. Между тем по основаниям, предусмотренным п. 1 и 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, предварительное расследование приостанавливается лишь **по истечении его (легального) срока**. И, напротив, по основаниям, предусмотренным п. 3 и 4 ч. 1 указанной статьи, предварительное расследование может быть приостановлено до окончания его текущего срока (ч. 4 ст. 208 УПК РФ). Казалось бы, мелочь, но по букве указанной нормы (на практике) мы имеем комплекс нерешенных и достаточно коллизионных проблем.

Во-первых, как с учетом ч. 3 ст. 115 УПК РФ, так и согласованных конституционно-правовых позиций по этой проблеме суд в принципе не может законно решить вопрос о (возможном) продлении срока наложения ареста на имущество при приостановлении производства по делу по п. 1 и 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ⁷. С одной

⁷ Повторимся: в соответствии с конституционно-правовыми позициями суд вправе установить срок наложения ареста на имущество лишь в пределах действующего срока предварительного расследования. См., напр.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2012 г. № 2227-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Белый скит» на нарушение конституционных прав и свобод частью девятой статьи 115 Уголовно-процес-

стороны, дальнейший срок применения ареста на имущество должен быть согласован с действующим сроком предварительного расследования по делу (которого уже в наличии нет). Как следствие, для целей и легальности применения указанной меры этот срок должен быть установлен (ст. 162 УПК РФ). С другой стороны, решение о приостановлении производства по делу по указанным основаниям может иметь место лишь по исчерпанию срока предварительного расследования. В итоге для разрешения этой интересной коллизии одним из нормативных велений надо, по идее, «пожертвовать».

И практика вполне определилась в приоритетах. Хорошо понимая иерархию («следственных») ценностей и всю двусмысленность указанной ситуации, следователи конвенционально игнорируют предписания ч. 4 ст. 208 УПК РФ, заблаговременно продлевая сроки расследования по делу и представляя копии решения об этом в суд, разрешающий вопрос о продлении ареста на имущество (ст. 115.1 УПК РФ). Судьи, естественно, «не видят» нарушений закона, связанных с игнорированием условий приостановления производства по делу, так как непосредственным предметом проверки суда (*ad hoc*) служит лишь ходатайство о продлении срока наложения ареста на имущество. Множить сущности и выходить за пределы ходатайства — не дело суда в состязательном уголовном процессе.

Не принимается во внимание и то обстоятельство, что в дальнейшем проблемы могут объективизироваться по нарастающей. И прежде всего в силу того, что (для указанной ситуации) сроки приостановления производства по делу, сроки предварительного расследования и сроки (продления) ареста на имущество весьма трудно согласуются между собой. По приостановленному производству сроки предварительного расследования, как известно, не исчисляются; они приостанавливаются, и их исчисление продолжается при возобновлении производства по делу. Распространяется ли это правило

на исчисление срока наложения ареста на имущество, установленного судом по правилам ст. 115.1 УПК РФ? Очевидно, что нет, так как последний однозначно установлен судом и за пределами этого срока арест на имущество утрачивает свою легальность. Соответственно, вполне прогнозируема ситуация, при которой срок наложения ареста на имущество, установленный судом, может закончиться, когда само производство по делу еще приостановлено и оснований для его возобновления нет. Следственные органы отменяют арест на имущество (?) — сомневаемся, сильно. Более вероятно, что в суд будет внесено новое ходатайство о продлении срока наложения ареста на имущество, приложены необходимые документы, приведены основания. Среди них, естественно, копия решения о (суммарных) сроках предварительного следствия по делу. Полагаем, нет ни малейших сомнений в том, что (в рамках проверки) опытному судье не составит труда проверить, кем, когда, в каких пределах устанавливались эти сроки, как они исчислялись. Не «увидеть» явных манипуляций со сроками можно будет только при известной заинтересованности. Отсюда вопрос: насколько или, точнее, какое именно количество раз судьи согласятся играть в эти интересные и конвенционально согласованные «игры».

В итоге проблему все равно надо решать; закономерен вопрос: как именно? Отменить ч. 4 ст. 208 УПК РФ, настаивающую на исчерпании сроков предварительного расследования для приостановления производства по делу по основаниям п. 1 и 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Легко! Однако проблема «несовпадения» сроков не исчезнет при приостановлении производства по делу, ибо одновременно с указанным решением приостановится только срок предварительного расследования (ст. 162, 223 УПК РФ), но никак не срок наложения ареста на имущество. И при очередном продлении указанной меры суду вновь придется решать: с каким именно сроком расследования надо связывать (устанавливать) очередные «предельные» сроки ареста на имущество, как их согласовывать с дальнейшим приостановлением производства по делу.

судья уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Конституционного Суда РФ. 2013. № 3.

Ввести норму, по сути которой (для норм ч. 1 ст. 208 УПК РФ) срок наложения ареста на имущество приостанавливается одновременно со сроком предварительного расследования и возобновляется по аналогии с последним? Но это, по сути, модификация тех известных проблем, которые многократно были предметом обжалования и рассмотрения Конституционного Суда РФ (с известной однозначностью его итоговых выводов). Кроме того, это «решение» будет противоречить компенсационным нормам Закона от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ.

Остается и в длительной временной перспективе согласованно манипулировать сроками, в принципе не поднимая этот вопрос в рамках судебной проверки (ст. 165 УПК РФ), не ставя его на обсуждение и разрешение суда. Однако это конвенциональное «соглашение» публичных субъектов процесса вряд ли устроит частных заинтересованных лиц, чье имущество находится под арестом (с вполне резонными жалобами в вышестоящие судебные инстанции, в Конституционный Суд РФ, ЕСПЧ, и в целом известными итоговыми правовыми позициями по данным проблемам).

Дополнительную «изюминку» исследуемой ситуации придает и то обстоятельство, что аналогичные коллизии вполне могут возникнуть и в той ситуации, когда дело, в рамках производства по которому наложен арест на имущество тех или иных лиц, приостановлено по иным основаниям ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Да, применительно к основаниям п. 3 и 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ закон для приостановления производства по делу не содер-

жит условия исчерпания срока предварительного расследования по делу. В итоге арест на имущество вполне может быть продлен судом в пределах того срока, который остался «неисчерпанным» по этому делу (ст. 162, 223 УПК РФ). Однако далее — те же проблемы, так как с принятием решения о приостановлении производства по делу приостановится только «неисчерпанный» срок предварительного расследования, но никак не (установленный судом в этих строгих пределах) срок наложения ареста на имущество. Соответственно, рано или поздно возникнет потребность в очередном продлении (установлении) этого срока для целей ст. 115.1 УПК РФ. В итоге объективируется та же коллизия искусственного согласования «не текущего» срока предварительного расследования и «истекшего» срока ареста на имущество, с идентичными манипуляциями по их «взаимозачету», с приведением в итоговом решении суда несколько сомнительных доводов. Как следствие, рано или поздно указанные проблемы все равно придется решать то ли путем нового «конституционного» толкования норм УПК РФ, то ли путем разъяснений от пленума, то ли необходимых новаций в закон. Пока же исследуемые коллизии искусственно замалчивают на практике и «не замечают» в доктрине, так как в рамках доминирующей в правоприменении идеи социалистической законности интересы публичные и частные, как нас широко заверяли, согласованы настолько органично и правильно, что оснований для подобных коллизий в принципе нет.

Литература

1. Булатов Б.В. Место наложения ареста на имущество в системе уголовно-процессуального законодательства: история и современность / Б.В. Булатов, А.С. Дежнев // Научный вестник Омской академии МВД России. 2016. № 2 (61). С. 18–23.
2. Никифорова Е.Ю. О сроках и пределах наложения ареста на имущество при производстве по уголовному делу / Е.Ю. Никифорова, Е.В. Меженина // Сибирское юридическое обозрение. 2020. Т. 17. № 2. С. 237–242.

Особые производства в современном дифференцированном уголовном процессе России: виды, взаимодействие с основным производством, способы нормативного выражения в УПК РФ

Пупышева Любовь Андреевна,
доцент кафедры уголовного процесса
Омской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации,
кандидат юридических наук
lyuba-shabalina@yandex.ru

В статье продолжается дискуссия об особых производствах в современном дифференцированном уголовном процессе России. Автор акцентирует внимание на их видах, определяет способы их нормативного выражения в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ), а также исследует вопросы взаимодействия особых уголовно-процессуальных производств с основным производством по уголовному делу.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, дифференциация уголовного процесса, особое производство, особый порядок уголовного судопроизводства, судебный порядок рассмотрения жалоб, производство о применении принудительных мер медицинского характера, исполнение приговора.

Проведенный анализ доктринальных представлений и нормативных предписаний об особых производствах и особых порядках в уголовном, гражданском, арбитражном, административном процессах показал, что интерес исследователей к соответствующим экстраординарным правовым процедурам, независимо от отрасли процессуального права, растет. Наибольшая активность в этой части заметна в уголовно-процессуальной теории. Факторами, стимулирующими исследование уголовно-процессуальных аспектов данных правовых образований, являются: 1) производство по уголовному делу осуществляется в разных уголовно-процессуальных формах, ускоряющих, упрощающих либо усложняющих порядок его разрешения, отождествляемых некоторыми процессуалистами с особыми производствами; 2) многочисленность обособленных с точки зрения предназначения, предмета и процедуры видов уголовно-процессуальной деятельности суда (ст. 29, 108–109, 125, 165, главы 47, 53–55¹ УПК РФ), вполне закономерно вызывающая необходимость их упорядочения, унификации; 3) стремление уголовно-процессуальной доктрины разработать

модель или хотя бы перечень особых производств с последующей регламентацией их в УПК РФ, что успешно реализовано в науке гражданского процесса и гражданском процессуальном законодательстве (ГПК РСФСР, ГПК РФ); 4) примеры (опыт) регламентации в УПК некоторых зарубежных стран особых производств с выделением под них самостоятельных разделов и глав¹.

¹ В УПК Франции выделена книга четвертая «О некоторых особых видах производств», объединяющая одиннадцать частей, регламентирующих разноплановые судебные процедуры (например, постановление заочного приговора, восстановление утраченных процессуальных документов, разрешение заявлений об отводе). В УПК Федеративной Республики Германия книга шестая с названием «Особые виды производства» предназначена для регулирования следующих судебных процедур: 1) суммарное производство; 2) производство в отношении невменяемых или процессуально недееспособных лиц; 3) ускоренное производство; 4) временная конфискация имущества; 5) установление денежного взыскания в отношении юридических лиц. Таким образом, в УПК Франции и УПК ФРГ, оцениваемых специалистами как законы, отличающиеся высоким уровнем законодательной техники и детальностью регламентации процессуальных институтов, реализованы принципиально разные подходы к «наполнению»

При большом количестве процессуальных производств и отсутствии схожих взглядов, подходов на происхождение особых видов уголовно-процессуальной деятельности, выстроить логически и нормативно обоснованную систему особых производств, адекватно отражающую структуру соответствующей отрасли законодательства, невозможно без жесткого следования объединяющим их критериям. Именно поэтому в уголовно-процессуальной теории имеет место разброс мнений о понятии, видах особых производств и их соотношении с основным производством по уголовному делу. Многие процессуалисты вообще относят к особым производствам практически все виды уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемые по правилам, дополняющим общий порядок расследования и судебного разбирательства уголовных дел. При таком подходе термины «особый порядок» и «особое производство» отождествляются и понимаются как предусмотренные законом специальные процедуры рассмотрения уголовных дел².

Приведенная позиция, несмотря на ее распространенность, противоречит одному из институциональных признаков особого производства — его автономности, в силу чего оно не является неотъемлемым компонентом уголовного дела. В гражданском процессе дела, рассматриваемые в исковом порядке либо в порядке особого производства, имеют разную юридическую природу: для первых характерен

спор о праве, для вторых, напротив, его отсутствие. В уголовном процессе суды наряду с уголовными делами также рассматривают дела разной правовой природы и сложности³. Особенности этих дел и определяют предназначение, содержание процессуальной формы их разрешения.

В процессуальных конструкциях особых порядков реализован двухуровневый способ нормативного регулирования: 1) в той мере, насколько это возможно, применяется общий установленный УПК РФ порядок уголовного судопроизводства, что отдельно оговаривается законодателем (например, ч. 2 ст. 420, ч. 3 ст. 433 УПК РФ); 2) любой из действующих особых порядков производства по уголовному делу имеет и собственную нормативную основу⁴.

Кроме того, для особых порядков ведения уголовного дела предусмотрен обратный переход в обычный процессуальный режим (например, ч. 6 ст. 316, ч. 3 ст. 317⁷ УПК РФ), т.е. они всегда имеют альтернативу.

Это не характерно для особых производств, функционирующих за рамками уголовного дела. Их «жизнеспособность» поддерживается в большей степени с помощью собственных процессуальных норм. При этом правоприменителю приходится использовать предписания УПК РФ по аналогии, что всегда связано с риском нарушения прав и законных

структурно обособленных в кодексах рубрик «Особые виды производства».

² Подобный подход обозначился еще в публикациях, изданных до принятия и введения в действие УПК РФ. Так, С.Д. Милицин в статье с привлекательным названием «Особые производства и новое уголовно-процессуальное законодательство» ограничивается, вопреки ожиданиям, анализом особых порядков уголовного производства, их отличий от общей уголовно-процессуальной процедуры. Особые порядки и особые производства автором не различаются (См.: Милицин С.Д. Особые производства и новое уголовно-процессуальное законодательство // Защита прав и законных интересов граждан, участвующих в уголовном процессе, как приоритетное направление в судопроизводстве. Москва-Оренбург, 1999. С. 74).

³ Отчетом «О работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции» (форма № 1, раздел 4) предусмотрено несколько десятков позиций (строки 2–45, 50–87, 89, 90), учитывающих конкретные виды судебной деятельности наряду с рассмотрением уголовных дел. «Лидерство» среди них принадлежит судебным производствам, связанным с исполнением приговора (ст. 399 УПК РФ), и рассмотрением жалоб на действия должностных лиц, осуществляющих уголовное производство (ст. 125 УПК РФ).

⁴ Некоторыми исследователями высказана точка зрения, согласно которой производство по делам в отношении несовершеннолетних, имея ряд особенностей, закрепленных в главе 50 УПК РФ, относится к общей процедуре судопроизводства (См.: Спесивов Н.В. Право на справедливое судебное разбирательство и его реализация при производстве по уголовным делам с участием несовершеннолетних // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 5. С. 927).

интересов участников уголовно-процессуальной деятельности, что должно рассматриваться как сигнал законодателю подключиться к регулированию соответствующих отношений.

Таким образом, вопрос об особых производствах применительно к уголовному процессу возникает тогда, когда суду предстоит рассмотреть судебные материалы (дело) по заявлениям, ходатайствам, представлениям и жалобам, применить нормы права к установленным фактам, но в силу специфики таких дел вынести по ним решение, руководствуясь лишь общими правилами уголовного судопроизводства, невозможно. Для таких случаев в уголовный процесс введены соответствующие процедуры. Здесь и находится точка разграничения основного производства по уголовному делу и особых производств.

Оригинальную позицию о соотношении основного производства по уголовному делу и особых уголовно-процессуальных производств высказывает К.В. Муравьев. По мнению ученого, «... основное производство всегда начинается как обычное производство, предполагающее в качестве уголовно-правовых последствий назначение наказания. Первоначальные решения о применении норм УК являются обычными до того момента, пока не появляются необходимые условия для «перехода» к особому производству. В одних случаях это касается только итоговых решений (например, при рассмотрении уголовного дела в судебном разбирательстве принимаются решения о прекращении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего и о применении к нему принудительной меры воспитательного воздействия (ч. 1 ст. 431 УПК) или о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и о назначении подсудимому меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (ч. 1 ст. 446³ УПК). В других — особое производство предполагает и особые предварительные (промежуточные) решения о применении уголовного закона в процессуальных актах вспомогательного характера. Наиболее наглядно это проявляется в системе особых решений производства

о применении принудительных мер медицинского характера (гл. 51 УПК)⁵.

Данная точка зрения дискуссионная. Судебные решения, предусмотренные ч. 1 ст. 431 и ч. 1 ст. 432 УПК РФ, относятся к итоговым решениям, разрешающим уголовное дело по существу. Процессуальная форма их принятия одинакова: рассмотрев уголовное дело о преступлении небольшой или средней тяжести, совершенное несовершеннолетним, суд удаляется в совещательную комнату, где и выносит постановление о прекращении уголовного дела либо обвинительный приговор с применением к несовершеннолетнему принудительной меры воспитательного воздействия. В данном случае никакого перехода, трансформации обычного порядка рассмотрения уголовного дела в особое производство не происходит.

Не имеется теоретических и нормативных предпосылок к тому, чтобы принятие судом решения о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и о назначении подсудимому меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (ст. 446³ УПК РФ) включать в состав особых производств. Указанное решение суд принимает по результатам проведения полноценного судебного разбирательства уголовного дела.

«Отсекая» особые производства от уголовного дела, мы акцентируем внимание в нашем исследовании на другом: таковыми могут быть только процедуры, которые «обслуживают» дополнительные по отношению к уголовному делу либо вообще с ним не связанные дела, по которым судом принимаются соответствующие решения. Среди множественности промежуточных производств преимущественно и находятся особые уголовно-процессуальные производства, характеризующиеся рядом присущих им признаков.

В правовой теории пока не сложилось стройной, завершенной научной конструкции особых производств в уголовном процессе. Учеными выделяются до десяти и более их признаков. Среди них: собственные предмет или материально-

⁵ Муравьев К.В. Оптимизация процессуальной формы применения уголовного закона : монография. М., 2019. С. 64.

правовая база, не связанная с применением норм уголовного права; свои цели, задачи, направленность уголовно-процессуальной деятельности, отличающиеся от главной цели судопроизводства — реализации уголовной ответственности; особый состав субъектов и участников производства; существенные отличия в порядке деятельности по сравнению с производством по уголовному делу; полистадийность; комплексность производства; внутренняя целостность и единство; особый порядок оформления соответствующих материалов, формируемых в самостоятельное дело.

При таком множестве признаков, часть из которых дублирует друг друга либо не отражает их индивидуальных особенностей, выяснить сущность особых уголовно-процессуальных производств весьма проблематично. Кроме того, вряд ли для признания производства особым требуется наличие всех признаков в совокупности. В общей теории права утверждается, что для этого достаточно одного или нескольких из них. Например, контрастирующий с предметом уголовного дела предмет производства о применении принудительных мер медицинского характера служит достаточным признаком для того, чтобы включать его в группу особых уголовно-процессуальных производств.

Методологически правильное обоснование и построение концепции особых производств в уголовном процессе имеет серьезную теоретическую и прикладную значимость. Подобные исследования затрагивают системно-структурные вопросы построения уголовного процесса, дают возможность объективно оценить оптимальность нормативной основы конкретного вида особого производства как компактной подсистемы уголовно-процессуального права, функционирующей вне рамок нормативного регулирования основного производства по уголовному делу, и предложить меры по ее совершенствованию.

В заключительной части исследования представлены наиболее общие выводы и положения, отражающие авторскую по-

зицию по обсуждаемым вопросам. Начнем с того, что исторические, судоустройственные и содержательные взаимосвязи уголовного и гражданского процессов, наличие межотраслевых институтов преюдиции (ст. 90 УПК РФ, ч. 4 ст. 61 ГПК РФ), гражданского иска в уголовном деле (ст. 44, 309 УПК РФ), возмещения вреда реабилитированному и лицу, незаконно подвергнутому мерам процессуального принуждения по уголовному делу (глава 18 УПК РФ), объективно обуславливают определенную конвергенцию данных отраслей права и видов процесса. В связи с этим возникает вопрос: может ли апробированное и оправдавшее себя на практике законодательное решение выделить в системе гражданского процесса особое производство с его детальной регламентацией специальными процессуальными нормами (главы 27–38 ГПК РФ), быть взято за основу дальнейших преобразований уголовного процесса в части выделения в нем особых производств?

Современный российский гражданский процесс представлен двумя видами судопроизводства — исковым и особым, к предмету которого законом отнесены категории гражданских дел, в которых отсутствует спор о правоотношениях между его участниками⁶. Перечень дел особого производства корректируется законодателем. Согласно позиции сторонников «теории списка», «... особое производство не обладает каким-либо единством, представляет собой разрозненный конгломерат непохожих друг на друга правил судебного рассмотрения материально-правовых вопросов»⁷. Будучи объединенными по признаку «бесспорности», перечисленные в ст. 262 ГПК РФ дела индивидуальны. Особенности их рассмотрения судом предусмотрены специальным процессуальным регламентом,

⁶ Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 23-ФЗ все дела, возникающие из публично-правовых отношений (подраздел III ГПК РФ), перенесены в КАС РФ.

⁷ Аргунов В.В. Взаимодействие общих и специальных норм и институтов в гражданском и арбитражном процессуальном праве на примере дел особого производства // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 127.

разработанным для каждого дела с закреплением его в самостоятельных главах.

В уголовном процессе нет формального деления его на виды. Уголовное судопроизводство в первую очередь ассоциируется с производством по уголовному делу (п. 56 ст. 5 УПК РФ). По этой причине категория дел особого производства, которые подлежат рассмотрению по дополнительным процессуальным правилам в силу их специфичности и отличия по правовой природе от уголовных дел, не консолидируются в отдельном разделе УПК РФ. Хотя теоретически и практически это реализуемо. Примером тому, как уже отмечалось ранее, служит УПК Франции, УПК ФРГ, УПК Республики Азербайджан и УПК Республики Молдова, в которых структурно обособлены нормы, регулирующие «особые виды производства» или «особые производства». При этом перечни особых производств, установленные законодателем перечисленных стран, совпадают лишь частично.

Следующий принципиальный вопрос исследования касается соотношения основного и особых уголовно-процессуальных производств. Общий порядок производства по уголовным делам допускает его дифференциацию с упрощением либо усложнением процессуальной формы их рассмотрения и разрешения. Такие производства не могут считаться особыми, поскольку полностью «удерживаются» рамками уголовного дела и не имеют собственного предмета доказывания, направлены на решение вопросов уголовного дела.

Особые порядки уголовного судопроизводства характеризуются самобытийностью процессуальной формы с подчинением общему порядку уголовного процесса. Осуществляются они как базовые (основные) виды уголовно-процессуальной деятельности и имеют, в отличие от особого производства, общую предметную направленность — разрешение в рамках уголовного дела вопросов о виновности лица в совершении преступления и его уголовной ответственности.

Обозначение в процессуальной литературе возможности перехода основного производства в особое и обратно те-

оретически спорно, а нормативно никак не выражено. В указанных производствах различны правовая природа разрешаемых судом дел, предмет уголовно-процессуального доказывания и соответственно юридически значимый результат. Признавая независимость особых уголовно-процессуальных производств от основного производства по уголовному делу, подчеркивая их различную предметную направленность, трудно представить, чтобы они могли быть продолжением друг друга. Переход основного, базового вида уголовно-процессуальной деятельности в дополнительное, промежуточное особое производство — скорее виртуальная процессуальная конструкция. Данный вывод, наряду с ранее приведенными доводами, подтверждается и тем, что в УПК РФ не предусмотрено процессуальное решение (акт) о завершении производства по уголовному делу и начале особого производства либо, напротив, о передаче для приобщения к основному производству дела, подлежащего рассмотрению в особом процессуальном порядке.

Универсальным критерием, указывающим на качественное своеобразие конкретного вида уголовно-процессуальной деятельности и отграничивающим его от основного производства по уголовному делу служит предметная направленность особых уголовно-процессуальных производств. Любое промежуточное уголовно-процессуальное производство имеет свое предназначение, определяемое характером вопроса, разрешаемого судом в рамках отведенных ему полномочий. Такие вопросы возникают в большей части в связи с ведением основного производства по уголовному делу (рассмотрение ходатайств о применении мер процессуального принуждения, жалоб на решения и действия органа расследования, прокурора). Разрешение их судом необходимо для фактического осуществления уголовного судопроизводства, обеспечения доказательственной деятельности и движения уголовного дела по стадиям, рассмотрения его по существу.

Промежуточные производства имеют место и до возбуждения уголовного дела

(рассмотрение в порядке, установленном ст. 125 УПК РФ, жалоб на действия (бездействие) и решения при рассмотрении сообщения о преступлении), а также после его разрешения по существу вступившим в законную силу приговором либо постановлением суда (разрешение вопросов, связанных с исполнением итоговых судебных решений).

Вместе с тем в ходе указанных промежуточных производств не могут разрешаться вопросы, относящиеся к предмету уголовного дела и предстоящего судебного разбирательства (виновность лица в совершении преступления, возложение либо освобождение от уголовной ответственности, назначение виновному наказания).

Часть процессуальных производств осуществляется для решения отдельных факультативных вопросов, прямо или косвенно не связанных с производством по уголовному делу (в области международного сотрудничества в борьбе с преступностью). В большинстве своем процедуры промежуточных производств схожи, отдельные из них детально не прописаны либо вовсе не определены, иногда применяются по аналогии.

Очевидно, что не любые различия в предметной направленности и процедурах промежуточных производств по отношению к базовому виду уголовно-процессуальной деятельности (уголовному делу) дают основания считать их особыми уголовно-процессуальными производствами. Для последних как экстраординарных процедур характерны такие предмет уголовно-процессуальной деятельности и регулируемые правоотношения, которые обладают индивидуальными особенностями, заключающимися в том, что, *во-первых*, они направлены на достижение правового результата путем отправления правосудия (наряду с правосудием по уголовным делам), *во-вторых*, исключают возможность их праворегулирования только общими правилами уголовного судопроизводства, *в-третьих*, обуславливают введение в уголовный процесс специальных процедур, приспособленных для рассмотрения дел, относящихся к категории особых, *в-четвертых*, формиру-

ют специфичный субъектный состав процессуального производства.

Если проанализировать с этих позиций уголовно-процессуальную деятельность по рассмотрению судами жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, вопросов, возникающих при исполнении приговора (ст. 397, 398, 400 УПК РФ), производство о применении принудительных мер медицинского характера, то можно обнаружить следующие особенности данных промежуточных производств.

Уголовно-процессуальная деятельность по рассмотрению судом жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ. Данное производство ограничено жалобами на действия (бездействие) и решения должностных лиц органов предварительного расследования и прокурора, имеет место в досудебном производстве (в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования). Оно предметно не связано с производством по уголовному делу, а при обжаловании отказа в регистрации сообщения о преступлении, нарушения сроков его рассмотрения и отказа в возбуждении уголовного дела производство по жалобе объективно с ним «не пересекается».

Характерная черта указанного производства — его усеченный предмет, в который не могут входить жалобы на действия и решения органа расследования, прокурора, оцениваемые исключительно судом первой инстанции при рассмотрении уголовного дела по существу (например, постановления следователя о назначении экспертизы, о привлечении в качестве обвиняемого, решение прокурора о возвращении уголовного дела следователю). Для рассмотрения в суде жалоб на действия (бездействие) и решения должностных лиц органов предварительного расследования и прокурора законодатель сконструировал специальную процедуру с детальным регламентом судебного заседания. В зависимости от особенностей жалобы и этапа уголовного процесса (проверка сообщения о преступлении; расследование уголовного дела) формируется соответствующий субъектный состав процессуального производства.

Таким образом, по правилам ст. 125 УПК РФ осуществляется особый вид уголовно-процессуальной деятельности, для которого свойственны отличный от производства по уголовному делу предмет доказывания, собственная процедура рассмотрения жалоб в судебном заседании, особый круг его участников. Специфика предмета судебного производства (жалобы на действия и решения должностных лиц органов предварительного расследования и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию) и достаточно развитая процессуальная форма судебного заседания позволили Верховному Суду РФ позиционировать анализируемое особое уголовно-процессуальное производство как одну из форм осуществления правосудия⁸.

Подчеркивая уникальность, назначение и особый характер в уголовном процессе судебного-контрольного производства, предусмотренного ст. 125 УПК РФ, Конституционный Суд РФ указал, что решение о прекращении уголовного дела занимает «особое место в ряду предметов судебного контроля», так как оно «способно заблокировать доступ заинтересованных лиц в суд, поскольку эти процессуальные акты принимаются при наличии обстоятельств, с которыми закон связывает прекращение уголовно-процессуальной деятельности»⁹. Кроме того, органом высшего конституционного контроля признана обязанность судьи при рассмотрении жалобы на прекращение уголовного дела не ограничиваться лишь проверкой исполнения формальных требований

закона, а давать оценку фактической обоснованности обжалуемого решения, т.е. законности переквалификации действий, что неизбежно приводит в движение нормы уголовного права. Это еще раз доказывает, что в особых производствах, так же, как и в основном производстве, могут применяться нормы УК РФ.

Уголовно-процессуальная деятельность по рассмотрению и разрешению вопросов исполнения приговора (глава 47 УПК РФ). Уголовно-исполнительное судопроизводство, объединяющее группу самостоятельных судебно-исполнительных производств, указанных в главе 47 УПК РФ, будучи одной из форм осуществления правосудия¹⁰, также «вписывается» в критерии особых производств в уголовном процессе.

Самостоятельные предмет, цели и уникальность процессуальной формы, характерные для данного производства, обусловлены самой логикой построения уголовного процесса. Путем обычного или дифференцированного производства по уголовному делу происходит установление, конкретизация и фиксирование (закрепление) уголовно-правового отношения, а в рамках особой процедуры, сопровождающей исполнение приговора, уголовно-правовое отношение изменяется, как правило, в зависимости от поведения осужденного.

Кроме того, эта процедура используется судом и для разрешения «чисто» процессуальных вопросов исполнения приговора, не связанных с применением норм УК РФ (п. 1, 15 ст. 397 УПК РФ, ст. 398 УПК РФ)¹¹.

⁸ Пункт 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (в ред. от 29.11.2016) // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 2020 года № 5-0 «По жалобе гражданки Мариной Анны Николаевны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 125 и частью четвертой статьи 221 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Пункт 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» // Российская газета. 2011. 30 декабря.

¹¹ Нами не поддерживается точка зрения о том, что особые производства не обеспечивают применение норм уголовного права (См.: Якимович Ю.К. Избранные труды. СПб., 2011. С. 300). На пути к приговору процессуальной формой применения уголовного закона является порядок досудебного и судебного производства по уголовному делу, а при исполнении приговора уголовно-правовые нормы приводятся в движение судебными актами особого производства. В судебном контрольном производстве при рас-

Производство о применении принудительных мер медицинского характера (глава 51 УПК РФ). Ранее нами отмечалось, что указанный вид уголовно-процессуальной деятельности большинством ученых признается особым производством в уголовном процессе. Действительно, трудно воспринимать его как разновидность основного производства по уголовному делу. Оно направлено на установление особого уголовно-правового отношения, возникшего в момент совершения лицом запрещенного уголовным законом деяния в состоянии невменяемости или наступления психического расстройства у лица после совершения преступления, делающее невозможным назначение и применение к нему наказания. В самом названии гл. 51 УПК РФ уже проявляется его специфика по отношению к обычному уголовному делу. И совсем не случайно в юридической литературе указанное производство именуется особым видом уголовных дел¹².

Однако вводить в научный оборот понятие «особый вид уголовных дел» нецелесообразно. Уголовное дело, независимо от того, в каком порядке по нему осуществляется досудебное и судебное производство, и безотносительно к виду преступления, в связи с которым оно возбуждено, предполагает разрешение при его рассмотрении судом двух основных вопросов: 1) о признании подсудимого виновным в совершении преступления; 2) о назначении подсудимому наказания за каждое преступление, в совершении которого он признан виновным. Никаких особых уголовных дел, если учитывать, что уголовное дело возбуждается при установлении признаков преступления для осуществления уголовного преследования подозреваемого, обвиняемого, просто быть не может.

смотрении жалобы на прекращение уголовного дела и проверке законности переквалификации действий обвиняемого судья также обращается к нормам уголовного права. Применение норм гл. 15 УК РФ происходит путем ведения особого производства по правилам гл. 51 УПК РФ.

¹² Бурмагин С.В. Судебные производства в уголовном процессе: понятие и виды // Государство и право. 2019. № 2. С. 150.

Напротив, необходимость в особых производствах в уголовном процессе обусловлена практическими потребностями разрешения отличных от уголовного дела вопросов, объективно возникающих на этапах проверки сообщения о преступлении, расследования уголовного дела (судебный контроль в порядке ст. 125 УПК РФ) и исполнения принятых по нему итоговых судебных решений (уголовно-процессуальная деятельность в порядке гл. 47 УПК РФ). Особым производством является и уголовно-процессуальная деятельность о применении специфических (медицинских) мер государственного принуждения в отношении лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости, или лица, у которого после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение и применение к нему наказания. При этом принципиально важно уточнить следующие детали.

Во-первых, утверждение о том, что уголовно-процессуальное производство о применении принудительных мер медицинского характера «обеспечивает применение материальных норм неуголовно-правового характера»¹³, безосновательно. В рамках процедуры, регламентированной гл. 51 УПК РФ, принимается процессуальный акт применения уголовного закона, в данном случае норм гл. 15 УК РФ. Другой процессуальной формы реализации норм, предусматривающих назначение иной меры уголовно-правового характера в виде принудительных медицинских мер, действующее законодательство не предлагает.

Во-вторых, спорно и мнение о том, что производство о применении принудительных мер медицинского характера должно считаться именно производством по уголовному делу, поскольку так же, как и применение мер воспитательного воздействия, назначение судебного штрафа, оно направлено на решение вопросов, образующих предмет уголовного процесса и заключающихся в подтверждении права государства на справедливое применение

¹³ Якимович Ю.К. Избранные труды. СПб., 2011. С. 300.

мер уголовно-правового воздействия¹⁴. Обратим внимание, что предмет уголовного процесса и предмет уголовного дела не совпадают. Первое объемнее второго. Термин «уголовное дело» в контексте уголовно-процессуального законодательства непременно ассоциируется с преступлением и уголовным преследованием лица, его совершившего. Поэтому производство о применении принудительных мер медицинского характера, имеющее самостоятельный предмет доказывания по отношению к уголовному делу¹⁵, не может наполнять его содержание и, тем более, быть его подвидом. Более корректным представляется рассматривать его в качестве особого уголовно-процессуального производства.

Изложенный подход к пониманию особых производств в уголовном процессе принципиально отличается от их трактовки как специфической формы правоотношений и деятельности участников судопроизводства, обусловленной характером и степенью тяжести преступлений, социально-правовым статусом или мнением

обвиняемых либо социально-психологической и психической характеристикой лиц, подлежащих уголовной ответственности¹⁶. С общеправовых и отраслевых позиций особое производство в любом виде процесса — это прежде всего обособленная категория дел, рассматриваемых судом в особом порядке в силу их неординарности и самостоятельности по отношению к делам основного производства, неподчинения общим правилам его ведения. Именно перечень (список) дел особого производства (точнее сами дела) наполняет их предметным и доказательственным содержанием.

Дифференцированные формы рассмотрения и разрешения уголовных дел, названные законодателем «особым порядком судебного разбирательства», «особым порядком уголовного судопроизводства», «особенности производства по отдельным категориям уголовных дел», обслуживают основное производство и «играют» на ином правовом поле. По своему происхождению особые производства не являются следствием дифференциации уголовного процесса.

¹⁴ Муравьев К.В. Указ. соч. С. 52.

¹⁵ В данной статье, ввиду ее ограниченного объема, не затрагиваются вопросы «перехода» обычного производства по уголовному делу в особое производство с применением правил гл. 51 УК РФ.

¹⁶ Уголовный процесс : учебник / М.Х. Гельдибаев, В.В. Вандышев. М., 2012. С. 30–31.

Литература

1. Аргунов В.В. Взаимодействие общих и специальных норм и институтов в гражданском и арбитражном процессуальном праве на примере дел особого производства / В.В. Аргунов // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 119–134.
2. Бурмагин С.В. Судебные производства в уголовном процессе: понятие и виды / С.В. Бурмагин // Государство и право. 2019. № 2. С. 146–159.
3. Милицин С.Д. Особые производства и новое уголовно-процессуальное законодательство / С.Д. Милицин // Защита прав и законных интересов граждан, участвующих в уголовном процессе, как приоритетное направление в судопроизводстве : сборник научных статей / ответственный редактор И.Ф. Демидов. Москва ; Оренбург : Издательский центр ОГАУ, 1999. 105 с.
4. Муравьев К.В. Оптимизация процессуальной формы применения уголовного закона : монография / К.В. Муравьев. Москва : Проспект, 2019. 264 с.
5. Спесивов Н.В. Право на справедливое судебное разбирательство и его реализация при производстве по уголовным делам с участием несовершеннолетних / Н.В. Спесивов // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 5. С. 924–929.
6. Уголовный процесс : учебник / М.Х. Гельдибаев, В.В. Вандышев. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : ЮНИТИ : Закон и право, 2012. 719 с.
7. Якимович Ю.К. Избранные труды : юбилейный сборник : к 60-летию заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Юрия Константиновича Якимовича / Ю.К. Якимович. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2011. 772 с.

К вопросу об определении компетентности кандидатуры судебного эксперта

Ярков Андрей Александрович,
преподаватель кафедры гражданского права и процесса
Института права Челябинского государственного университета
and_009@mail.ru

В статье рассмотрена проблема, посвященная одному из значимых участников судебного процесса — эксперту, а именно, определению его компетентности. Произведен анализ нормативно-правовых актов в области проведения судебной экспертизы, представлены точки зрения представителей научного сообщества, а также имеется отсылка к материалам судебной практики. Предложено решение заявленной проблемы путем внесения необходимых изменений в действующее законодательство.

Ключевые слова: специальные знания, эксперт, компетентность эксперта, экспертиза, судебно-экспертные учреждения.

Часть 1 ст. 79 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ) закрепляет, что экспертиза назначается в случае возникновения вопросов, требующих специальных знаний в определенной области науки¹. Аналогичное положение содержится в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации² (далее — АПК РФ) и Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации³ (далее — КАС РФ).

Рассматривая вопрос о специальных знаниях, стоит отметить, что ни процессуальное законодательство, ни нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность эксперта, не раскрывают указанное понятие. Из этого следует, что на практике могут возникнуть трудности в определении наличия соответствующих знаний у такого лица.

Как справедливо отмечают представители научного сообщества, по сути, здесь идет речь о наличии у данного

субъекта соответствующей компетентности⁴.

Вопрос, заявленный в теме исследования, является достаточно важным, а необходимой регламентации в ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ он не получил. Так, согласно обзору судебной практики по применению законодательства, регулирующего назначение и проведение экспертизы по гражданским делам, утвержденному Президиумом Верховного Суда РФ 14 декабря 2011 г., суды удовлетворяли ходатайство об отводе эксперта, если компетентность предложенного стороной эксперта не была подтверждена⁵.

При анализе данной проблемы стоит обратиться к положениям Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»⁶. Так, ст. 13 данного закона регламенти-

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

³ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

⁴ Юматов В.А. Компетентность и компетенция судебного эксперта: содержание и объем понятий // Вопросы экспертной практики. 2017. № 51. С. 397; Чернова М. Особенности статуса эксперта в арбитражном процессе // ЭЖ-Юрист. 2007. № 29.

⁵ Обзор судебной практики по применению законодательства, регулирующего назначение и проведение экспертизы по гражданским делам, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 14 декабря 2011 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 3.

⁶ Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной дея-

рует требования, которым должен отвечать эксперт при работе в государственных судебно-экспертных учреждениях и в экспертных подразделениях федерального органа исполнительной власти в области внутренних дел: гражданство Российской Федерации и наличие соответствующего образования.

Таким образом, представляется, что именно этим критериям должны отвечать эксперты, осуществляющие деятельность в государственном учреждении.

В свою очередь абзац второй ст. 13 вышеназванного закона указывает на то, что определение уровня их квалификации и аттестация на право самостоятельного производства судебной экспертизы осуществляется экспертно-квалификационными комиссиями.

В целях реализации данной нормы было разработано Положение об аттестации на право самостоятельного производства судебной экспертизы экспертов федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации⁷.

Из его толкования следует, что эксперт может проходить процедуру определения уровня квалификации и аттестации на право самостоятельного производства судебной экспертизы, а также пересмотра уровня своей квалификации и аттестацию. В обоих случаях руководитель того или иного вида бюджетного судебно-экспертного учреждения составляет представление.

Когда эксперт направляется для определения уровня квалификации и аттестации на право самостоятельного производства судебной экспертизы, в представлении указываются такие основные данные, как год рожде-

ния; образование; специальность по образованию; стаж работы; занимаемая должность; сведения о дополнительном профессиональном образовании по экспертной специальности; оценка его деятельности как лица, компетентного в соответствующей области судебной экспертизы.

Также непосредственно на заседании, помимо представления, изучаются пять заключений, выполненных в рамках учебной программы подготовки по экспертной специальности за учебный период (далее — учебные заключения); рецензия на учебные заключения и иные материалы (при их наличии).

При пересмотре уровня его квалификации и аттестации, помимо представления, изучаются в целом аналогичные документы.

В свою очередь Инструкцией по организации производств судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации установлены требования, которым должны отвечать эксперты подобных организаций: гражданство Российской Федерации; высшее профессиональное образование; наличие подготовки по конкретной экспертной специальности; наличие аттестации на право самостоятельного производства судебной экспертизы в соответствии с вышеназванным законом⁸.

На основании вышеизложенного представляется, что указанные нормативные правовые акты действительно в той или иной степени устанавливают требования, которым должен соответствовать рассматриваемый субъект, являющийся сотрудником государственного судебно-экспертного учреждения. Однако следует напомнить, что проводить экспертизу могут и негосудар-

тельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.

⁷ Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 7 октября 2014 г. № 207 «Об утверждении Положения об аттестации на право самостоятельного производства судебной экспертизы экспертов федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации» // Российская газета. 2014. 24 октября.

⁸ Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 20 декабря 2002 г. № 347 «Об утверждении Инструкции по организации производств судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации» // Российская газета. 2003. 25 января.

ственные эксперты⁹. При этом действующее законодательство не содержит требований, определяющих их компетентность. Следовательно, данный вопрос также носит проблемный характер.

Как отмечает С.А. Воронин, должно учитываться базовое полное высшее образование, последипломное образование (специализация, стажировка, повышение квалификации и переподготовка) и специальное образование по определенным экспертным специальностям¹⁰.

Безусловно, по указанному вопросу следует согласиться с мнением В.В. Молчанова, который считает, что в данной ситуации могут быть приняты во внимание такие факторы как наличие специального образования; стаж работы в определенной области; степень сложности вопросов, подлежащих разъяснению¹¹.

Также представляется, что требования, определяющие компетентность эксперта, приведенные ранее и закрепленные в Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и Положении об аттестации на право самостоятельного производства судебной экспертизы экспертов федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации могут быть по аналогии закона применены и к экспертам, не являющимся сотрудниками государственных судебно-экспертных учреждений.

Думается, что принятие во внимание подобных сведений может повысить уровень доверия к негосударственному

эксперту. Также в рамках первоначально поставленного вопроса стоит обратить внимание и на судебную практику. Так, в п. 2 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 4 апреля 2014 г. № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» специально обращено внимание арбитражных судов на необходимость получения сведений об образовании эксперта, его специальности, стаже работы, занимаемой должности, которые следует указывать в определении о назначении экспертизы¹².

Исходя из анализа воззрений исследователей, нормативно-правовых актов и материалов судебной практики, можно сделать вывод о том, что в вопросе, связанном с определением компетентности кандидатуры судебного эксперта, отсутствует единообразный подход.

В целях попытки решения поставленной проблемы, на наш взгляд, надлежит обратить внимание на Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 25 мая 2016 г. № 17АП-6632/2016-ГК по делу № А50-18883/2015, где суд пришел к выводу о том, что кандидатуры экспертов должны обладать специальными знаниями по вопросам, поставленным судом¹³.

Представляется, что обладание соответствующими знаниями относительно вопросов, на которые должен ответить эксперт, является существенным критерием, который достаточно определенно позволяет говорить о компетентности такого лица. В аналогичном направле-

⁹ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 4 апреля 2014 г. № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 6.

¹⁰ Воронин С.А. Судебные критерии назначения экспертов из негосударственных организаций // Юстиция. 2016. № 4. С. 27.

¹¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: ГПК РФ: постатейный комментарий / А.В. Аргунов, В.В. Аргунов, А.В. Демкина [и др.] ; под ред. П.В. Крашенинникова. М. : Статут, 2012. С. 140.

¹² Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 4 апреля 2014 г. № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 6.

¹³ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 25 мая 2016 г. № 17АП-6632/2016-ГК по делу № А50-18883/2015. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/84065095-1359-4dd7-b8d3-7f3a02921596/613993f9-b0ee-409a-b630-05ef6ffe9429/A50-18883-2015_20160525_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 02.08.2021).

нии, как было указано ранее, рассуждает В.В. Молчанов¹⁴.

Помимо этого, как известно, в заключении эксперта должен быть отражен объект исследования, к которым относятся вещественные доказательства, документы, предметы, животные, трупы и их части, образцы для сравнительного исследования, а также материалы дела, по которому производится судебная экспертиза¹⁵.

На наш взгляд, компетентность должна определяться, помимо вышеуказан-

ного критерия, также и наличием у эксперта специальных знаний относительно объекта исследования.

Таким образом, взяв за основу вышеперечисленные критерии, ст. 79 ГПК РФ, ст. 82 АПК РФ и ст. 77 КАС РФ предлагается дополнить следующим содержанием: «Компетентность эксперта определяется наличием специальных знаний относительно назначаемой судом экспертизы, в том числе объекта исследования и вопросов, поставленных перед ним».

Представляется, что закрепление такого положения на федеральном уровне будет способствовать соблюдению порядка назначения экспертизы и в целом обеспечению процессуальной гарантии реализации прав граждан на судебную защиту.

¹⁴ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: ГПК РФ: постатейный комментарий / А.В. Аргунов, В.В. Аргунов, А.В. Демкина [и др.] ; под ред. П.В. Крашенинникова. М. : Статут, 2012. С. 140.

¹⁵ Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.

Литература

1. Воронин С.А. Судебные критерии назначения экспертов из негосударственных организаций / С.А. Воронин // Юстиция. 2016. № 4. С. 25–29.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: ГПК РФ: постатейный комментарий / А.В. Аргунов, В.В. Аргунов, А.В. Демкина [и др.] ; под редакцией П.В. Крашенинникова. Москва : Статут, 2012. 634 с.
3. Чернова М. Особенности статуса эксперта в арбитражном процессе. Текст: непосредственный / М. Чернова // ЭЖ-Юрист. 2007. № 29.
4. Юматов В.А. Компетентность и компетенция судебного эксперта: содержание и объем понятий / В.А. Юматов // Вопросы экспертной практики. 2017. № S1. С. 391–400.

Уважаемые авторы!

- Обращаем ваше внимание на то, что результаты исследования, изложенные в предоставленной вами рукописи, должны быть оригинальными. Заимствованные фрагменты или утверждения должны быть оформлены с обязательным указанием автора и первоисточника. Чрезмерные заимствования, а также плагиат в любых формах, включая неоформленные цитаты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы.
- Необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования, в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования.
- Нельзя предоставлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале.
- Соавторами статьи должны быть указаны все лица, внесшие существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.
- Если вы обнаружили существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после ее опубликования, необходимо как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала.

К вопросу о понятии института финансирования судебных расходов третьими лицами

Михайлова Екатерина Владимировна,
ведущий научный сотрудник сектора гражданского права,
гражданского и арбитражного процесса
Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН),
доктор юридических наук, доцент
e.v.mihailova@bk.ru

В статье рассматривается вопрос о возможном законодательном закреплении института финансирования судебных расходов третьими лицами в гражданском и арбитражном судопроизводствах. Показано, что размер судебных расходов является одним из факторов, определяющих степень доступности правосудия в нашем государстве. Вместе с тем эффективное и оперативное правосудие требует серьезных финансовых вложений, а в соответствии с принципом независимости суда и судебной власти финансирование судов осуществляется исключительно бюджетными средствами. При этом нагрузка на судебную систему неуклонно растет, количество гражданских дел, рассматриваемых судами общей юрисдикции и арбитражными судами, постоянно увеличивается. Институт судебных расходов нуждается в обновлении, совершенствовании, внедрении в него механизма, обеспечивающего доступность правосудия для всех слоев населения — с одной стороны, и достаточное финансовое обеспечение судебной системы — с другой. Таким механизмом может стать институт финансирования судебных расходов третьими лицами. Доказано, что во избежание возможных злоупотреблений соглашения о финансировании судебных расходов должны иметь процессуальную природу, утверждаться судом, рассматривающим дело, что обеспечит его устойчивость и исполнимость, а списки инвесторов должны формироваться судами.

Ключевые слова: гражданский процесс, арбитражный процесс, судебные расходы, государственная пошлина, судебные издержки, финансирование судебных расходов.

Право на судебную защиту — это важнейшая государственная гарантия, определяющая положение личности в обществе, характер государственного устройства и качество выполнения государством возложенных на него обществом задач. Российская Федерация, как демократическое федеративное правовое государство, обеспечивает каждого своего гражданина безусловным правом на судебную защиту его субъективных прав, свобод и законных интересов.

Однако следует иметь в виду, что простого закрепления тех или иных прав недостаточно. Право, не обеспеченное реальной возможностью его реализации, превращается в простую декларацию. Необходимы действенные правовые механизмы, гарантирующие практическую реализацию прав. Особенно это касается права на судебную защиту.

Право на судебную защиту реализуется в деятельности системы государственных судов. Целью гражданского, арбитражного и административного судопроизводства является защита нарушенного права. Между тем судопроизводство в государственных судах весьма затратно.

В связи с постоянно возрастающим количеством рассматриваемых судами общей юрисдикции и арбитражными судами гражданских дел неуклонно растут затраты, связанные с производством по их рассмотрению и разрешению. При этом в силу действия принципа независимости судов и судебной власти финансирование судебной деятельности осуществляется строго из федерального бюджета и бюджетов субъектов федерации (мировые суды). Поэтому вопросы оптимизации финансирования судов и компенсации расходов, приходящихся

на деятельность судебной системы, в настоящее время имеют приоритетный характер и напрямую связаны с проблемами доступности правосудия.

Институт судебных расходов — неотъемлемая часть процессуального законодательства. Как правильно отмечают, он выполняет целый ряд функций: стимулирующую, превентивную, компенсационную¹. Также говорят об обеспечительной функции института судебных расходов: возможностью взыскания понесенных расходов обеспечивается возможность оплаты услуг представителя, эксперта, специалиста и т.д.²

Конституционный Суд Российской Федерации (далее также — РФ) указал, что признание права на присуждение судебных расходов за лицом, в пользу которого состоялось судебное решение, соответствует принципу полноты судебной защиты. Одновременно в нем проявляется публично-правовой по своей значимости эффект, заключающийся в создании у участников соответствующих правоотношений стимулов к тому, чтобы не отступать от правомерного поведения и тем самым — в снижении нагрузки на судебную систему (Постановление КС РФ от 11 июля 2017 г. № 20-П/2017).

Несомненно, одним из главных показателей доступности правосудия является размер судебных расходов³.

По общему правилу, все расходы, связанные с рассмотрением и разрешением судами общей юрисдикции и арбитражными судами гражданских дел, возлагаются на проигравшую сторону, т.е. на нарушителя права. Однако судебные разбирательства многостадийны, занимают значительное время, поэтому действующее законодательство предусматривает обязанность заявителя при

обращении в суд оплатить государственную пошлину.

Помимо обязанности по оплате государственной пошлины, лица, участвующие в рассмотрении гражданских дел в судах общей юрисдикции и арбитражных судах, должны нести иные расходы, связанные с рассмотрением их дела. Эти расходы называются «судебными издержками», и к ним относят суммы, подлежащие выплате свидетелям, экспертам, специалистам и переводчикам; расходы на оплату услуг переводчика, расходы на проезд и проживание сторон и третьих лиц, понесенные ими в связи с явкой в суд; расходы на оплату услуг представителей; расходы на производство осмотра на месте; компенсация за фактическую потерю времени в соответствии со ст. 99 Гражданского процессуального кодекса; связанные с рассмотрением дела почтовые расходы, понесенные сторонами; другие признанные судом необходимыми расходы (ст. 94 Гражданского процессуального кодекса РФ). В арбитражном судопроизводстве к судебным издержкам отнесены также расходы юридического лица на уведомление о корпоративном споре и другие расходы, понесенные лицами, участвующими в деле, в связи с рассмотрением дела в арбитражном суде (ст. 106 Арбитражного процессуального кодекса).

Таким образом, судебные расходы при рассмотрении гражданских дел судами общей юрисдикции и арбитражными судами состоят из государственной пошлины и издержек, связанных с рассмотрением дела. Эти расходы могут быть очень значительны, особенно в арбитражном судопроизводстве.

Отметим, что судебные расходы не следует смешивать с судебными убытками. Ученые основательно полагают, что «судебные расходы никак не соотносятся с обнаружением договорных или внедоговорных обязательств, а равно потребностью реализации тех или иных мер гражданско-правовой ответственности»⁴.

⁴ Афанасьев С.Ф. К вопросу о взыскании судебных расходов в связи с понесенными судебными рас-

¹ Егорова Т.В. Сущность института судебных расходов в арбитражном процессе // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Право. 2009. Выпуск 7 (75). С. 409.

² Болдырева Н.Н. Судебные расходы в гражданском судопроизводстве // Архивариус. 2020. № 1 (46). С. 43.

³ Дегтярев С.А. Судебные расходы как элемент принципа доступности в гражданском судопроизводстве // Пермский юридический альманах. 2020. № 3. С. 92.

Вместе с тем важно, что перечень расходов, относимых к судебным издержкам, является открытым, и суд может отнести к ним любые затраты стороны, выигравшей дело⁵.

Истец при подаче искового заявления должен представить квитанцию об уплате государственной пошлины. Издержки, связанные с рассмотрением гражданского дела, оплачиваются стороной, которая заявила соответствующее ходатайство, а в дальнейшем, при вынесении судебного решения, возлагаются на проигравшую сторону. В случае, если иск удовлетворен частично, судебные расходы присуждаются истцу пропорционально размеру удовлетворенных судом исковых требований, а ответчику — пропорционально той части исковых требований, в которой истцу отказано (ч. 1 ст. 98 Гражданского процессуального кодекса).

В случае, если вызов свидетелей, назначение экспертов, привлечение специалистов и другие действия, подлежащие оплате, осуществляются по инициативе суда, соответствующие расходы возмещаются за счет средств федерального бюджета (ч. 2 ст. 96 Гражданского процессуального кодекса).

При этом действующее гражданское процессуальное законодательство содержит ряд норм, призванных регулировать порядок доступа к правосудию лицам, которые не имеют материальной возможности нести финансовое бремя судебного разбирательства. Льготы по уплате государственной пошлины предоставляются в случаях и порядке, которые установлены законодательством Российской Федерации о налогах и сборах.

Так, отдельные категории физических лиц и организаций освобождаются от уплаты государственной пошлины на основании ст. 333.35; 333.36; 333.37 На-

логового кодекса Российской Федерации. Статьей 333.41 Налогового кодекса предусмотрены основания и порядок предоставления отсрочки или рассрочки уплаты государственной пошлины.

В соответствии с ч. 3 ст. 96 Гражданского процессуального кодекса суд, а также мировой судья может освободить гражданина с учетом его имущественного положения от уплаты судебных расходов или уменьшить их размер. В этом случае расходы возмещаются за счет средств соответствующего бюджета. Это правило было известно еще до революционному гражданско-процессуальному законодательству и называлось «правом бедности»⁶. Интересно, что, как писал профессор А.Х. Гольмстен, «лица эти становятся должниками государства, и последнее сохраняет за собой право взыскать с них кредитованную им сумму в случае поправления их материальных обстоятельств или решения дела впоследствии в их пользу»⁷.

Льготы при обращении в арбитражные суды регулируются положениями ст. 333.37 Налогового кодекса Российской Федерации. Они весьма немногочисленны и распространяются в основном на прокуроров, государственные органы и некоторые категории дел (например, по искам авторов результатов интеллектуальной деятельности о предоставлении им принудительной лицензии). От уплаты государственной пошлины при обращении в арбитражный суд освобождаются общественные организации инвалидов, выступающие в качестве истцов и ответчиков, истцы — инвалиды 1 и 2 группы.

Очевидно, что предусмотренных законом льгот явно недостаточно. Очевидно также и то, что увеличение льгот финансового характера негативно скажется на системе арбитражных судов и

ходами в контексте современной гражданской процессуальной политики // Правовая политика и правовая жизнь. 2020. № 2. С. 59.

⁵ Закирова О.Н. Проблемы компенсации судебных расходов в процессуальном праве РФ // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2017. № 1. С. 19.

⁶ Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства. Издание третье. М.: Типография Императорского Московского Университета, 1908. С. 146.

⁷ Гольмстен А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. Издание пятое, исправленное и дополненное. СПб.: Типография М. Меркушева, 1913. С. 137.

приведет к снижению их финансирования.

Таким образом, на сегодняшний день обращение за судебной защитой субъективных гражданских прав, свобод и законных интересов осуществляется на платной основе. Бремя несения судебных расходов, по общему правилу, возлагается на проигравшую сторону, как предполагаемого нарушителя права. К числу судебных расходов отнесены уплата государственной пошлины, а также судебные издержки, включающие в себя расходы, связанные с рассмотрением и разрешением дела. Законодательство о налогах и сборах предусматривает отдельные случаи освобождения от уплаты государственной пошлины. Суд общей юрисдикции, мировой судья вправе, с учетом материального положения стороны, освободить ее от судебных расходов. Отдельные финансовые льготы предусмотрены и в системе арбитражных судов. Но все эти послабления недостаточны для стимулирования граждан и субъектов предпринимательской деятельности обращаться в государственные суды за защитой своих прав и одновременно являются бременем для бюджетной системы.

Можно констатировать, что, с одной стороны, большое количество рассматриваемых государственными судами гражданских дел определяет высокую затратность судебной деятельности. Сугубо бюджетное финансирование судов исключает какие-либо возможности привлечения иных негосударственных средств для поддержания и стимулирования судебной деятельности. Следует согласиться с мнением о том, что качественное, эффективное и своевременное правосудие объективно не может быть дешевым⁸.

С другой стороны, необходимость несения финансового бремени при обращении в суды за защитой нарушенного права зачастую становится непреодолимым препятствием для граждан.

⁸ Пронина М.П. Проблема влияния чрезмерности судебных расходов на доступность правосудия // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 20. С. 110.

Особенно это касается субъектов предпринимательской деятельности. Следует помнить о том, что к числу субъектов предпринимательской деятельности относятся граждане, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, субъекты малого и среднего предпринимательства. Кроме того, граждане вправе заниматься производственной или иной хозяйственной деятельностью в области сельского хозяйства без образования юридического лица на основе соглашения о создании крестьянского (фермерского) хозяйства, заключенного в соответствии с законом о крестьянском (фермерском) хозяйстве, а главой крестьянского (фермерского) хозяйства может быть гражданин, зарегистрированный в качестве индивидуального предпринимателя (ст. 23 Гражданского кодекса Российской Федерации). Указанные субъекты свои нарушенные права и законные интересы в сфере предпринимательской деятельности защищают путем обращения в арбитражный суд, и обязанность несения судебных расходов по делу может в ряде случаев стать реальной преградой в доступе к правосудию. Особое значение эта проблема имеет в настоящее время в связи с мировой пандемией новой коронавирусной инфекции, повлекшей за собой экономические проблемы и снижение финансовых возможностей как граждан, так и предпринимателей.

Одним из вариантов решения данной проблемы и достижения баланса частного и публичного интересов в сфере отправления правосудия по гражданским делам может стать институт финансирования судебных расходов третьими лицами, не заинтересованными в деле.

Финансирование судебного разбирательства — это правовой институт, предусматривающий получение стороной судебного разбирательства финансовых средств от третьего лица, не участвующего в деле и не имеющего в нем какой-либо прямой или косвенной заинтересованности, предназначенных на покрытие судебных расходов, с последующим возмещением этих средств в слу-

чае выигрыша стороны в деле, а также получение определенного соглашения процента от взысканных судом сумм.

Данный правовой институт широко применяется в зарубежных странах. Так, например, в Соединенных Штатах Америки в августе 2020 г. Американской ассоциацией юристов был принят документ, устанавливающий стандарты практики в этой сфере⁹. В нем отмечено, что Американская ассоциация юристов впервые обратилась к вопросу финансирования судебных расходов третьей стороной в 2012 г. Многие из передовых практик были сформированы в контексте международного арбитража. В тексте документа третье лицо, финансирующее судебные расходы, именуется «спонсором», что в целом отражает суть правового статуса этого лица.

При этом американские Стандарты судебного финансирования призывают юристов к осторожности в использовании этого института, поскольку в любом судебном деле составление прогнозов является крайне затруднительным. Также сделан акцент на том, что соглашение о судебном финансировании должно быть построено таким образом, чтобы контроль над судебным процессом сохранял клиент (сторона в деле), а не инвестор.

Одной из особенностей гражданского процесса в Великобритании является право суда решить вопрос об отнесении судебных расходов на третье лицо, в качестве которого может выступать субъект, чья финансовая поддержка стороны вызвана дружбой или политической солидарностью¹⁰.

В настоящее время во многих странах идея финансирования судебных расходов активно обсуждается. В нашей стране также рассматривается этот вопрос, и по целому ряду причин идея внедрения практики финансирования

третьими лицами судебных расходов представляется перспективной.

Прежде всего, она позволит обеспечить доступ к правосудию самых незащищенных слоев населения и субъектов бизнеса — субъектов малого и среднего предпринимательства, глав крестьянских (фермерских) хозяйств, физических лиц в спорах против корпораций, граждан по делам о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью, морального вреда и др. Помимо этого, институт финансирования судебных расходов позволит повысить финансирование системы судов. Также внедрение рассматриваемого института в российскую судебную практику позволит активнее задействовать третейские суды в процессе защиты нарушенных гражданских прав и законных интересов.

Важно, что введение в российское законодательство института финансирования судебных расходов позволит снизить количество гражданских дел, при возбуждении которых истцы руководствуются не целью защитить нарушенное право, а желанием причинить противоположной стороне репутационный и иной вред, т.е. злоупотребляют правом на обращение в суд.

Наконец, рассматриваемый институт позволит получать прибыль инвесторам — третьим лицам, финансирующим судебные процессы. Поэтому разработка нормативно-правовых положений, регулирующих институт финансирования судебных расходов третьими лицами, представляется перспективной и своевременной задачей.

Однако для того, чтобы внедрение рассматриваемого института было успешным и указанные выше цели были достигнуты, а риски злоупотреблений при его реализации были сведены к минимуму, необходимо учесть следующие теоретические аспекты.

Во-первых, нужно проанализировать правовую природу отношений, складывающихся в процессе финансирования судебных расходов третьими лицами. В научной литературе встречаются мнения о том, что это может быть договор

⁹ URL: <https://www.americanbar.org/content/dam/aba/directories/policy/annual-2020/111a-annual-2020.pdf> (дата обращения: 28.05.2021).

¹⁰ Курбанов Д.А. К вопросу о судебных расходах по процессуальному законодательству Англии // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2018. № 1 (79). С. 97.

займа, простого товарищества, договор факторинга и т.п.¹¹ Однако это представляется нерациональным по следующим причинам.

Как известно, юридические отношения могут иметь материально-правовой или процессуальный характер. Материально-правовые, или гражданские, правоотношения складываются между субъектами гражданского права в процессе реализации ими субъективных гражданских прав или законных интересов.

Процессуальные правоотношения возникают и развиваются между судом и всеми лицами, участвующими в деле, а также лицами, содействующими правосудию, иными лицами. Следует отдельно подчеркнуть, что гражданско-процессуальные правоотношения складываются также между судом и лицами, в деле не участвующими, но обязанными на основании судебного определения представить суду те или иные доказательства, необходимые для правильного и своевременного рассмотрения и разрешения гражданского дела.

Основное отличие гражданских процессуальных правоотношений от гражданских правоотношений заключается в том, что в силу обязательного участия в них суда, являющегося органом государственной власти, гражданские процессуальные правоотношения имеют публично-правовой характер, это властеотношения. Суд как обязательный субъект гражданско-процессуальных правоотношений выполняет в этих отношениях свою основную властную функцию — отправление правосудия по гражданскому делу. При этом суд контролирует деятельность всех участников гражданского судопроизводства на соответствие их законодательству Российской Федерации.

В случае выявления нарушений законности суд вправе вынести частное определение и направить его в соответствующие организации или соответ-

ствующим должностным лицам, которые обязаны в течение месяца сообщить о принятых ими мерах (ст. 226 Гражданского процессуального кодекса). Арбитражный суд также вправе вынести частное определение в случае выявления в ходе рассмотрения дела случаев, требующих устранения нарушения законодательства Российской Федерации (ст. 188.1 Арбитражного процессуального кодекса).

При реализации сторонами гражданского дела их процессуальных прав и обязанностей суд принимает меры к тому, чтобы они действовали свободно и в соответствии с законом. Суд не принимает отказ истца от иска, признание иска ответчиком и не утверждает мировое соглашение сторон, если это противоречит закону или нарушает права и законные интересы других лиц (ч. 2 ст. 39 Гражданского процессуального кодекса). Арбитражный суд тоже не принимает отказ истца от иска, уменьшение им размера исковых требований, признание ответчиком иска, не утверждает мировое соглашение сторон, если это противоречит закону или нарушает права других лиц. В этих случаях суд рассматривает дело по существу (ч. 5 ст. 49 Арбитражного процессуального кодекса).

Именно по причине особого статуса суда в гражданском и арбитражном судопроизводствах, реализующего свои властные, публично-правовые, в том числе контрольные функции, коренным образом отличаются правовые последствия судебного и внесудебного примирения спорящих сторон, судебная и внесудебная медиация. Заключенное сторонами правового конфликта мировое соглашение, утвержденное судом общей юрисдикции или арбитражным судом, придает этому акту такое свойство, как исполнимость.

Так, мировое соглашение, не исполненное добровольно, подлежит принудительному исполнению на основании исполнительного листа, выдаваемого арбитражным судом по ходатайству лица, заключившего мировое соглашение (ч. 2 ст. 142 Арбитражного процессуального кодекса). Аналогичным образом

¹¹ Мустафин Р.Ф., Мустафина С.А., Ильяшенко Е.А. Институт судебного инвестирования: состояние и перспективы развития // Юрист-Правовед. 2020. № 4 (95). С. 193.

мировое соглашение, заключенное сторонами гражданского судопроизводства и не исполненное добровольно, подлежит принудительному исполнению на основании исполнительного листа, выдаваемого судом по ходатайству лица, заключившего мировое соглашение (ч. 2 ст. 153.11 Гражданского процессуального кодекса).

Любые процессуальные соглашения, в отличие от гражданско-правовых, имеют обязательный характер и могут быть исполнены в принудительном порядке. Таковы соглашения о распределении судебных расходов, которые, как верно отмечают в литературе, подчиняются императивно установленным правилам процессуального законодательства¹².

Таким образом, придание соглашению о финансировании судебных расходов статуса гражданско-правового договора нежелательно в связи с большими рисками его неисполнения или злоупотреблений со стороны инвестора. В случае неисполнения обязательств, закрепленных в соглашении о финансировании судебного процесса, инвестору для защиты своих прав придется обращаться в суд и на общих основаниях, в порядке искового производства доказывать свои требования. При злоупотреблениях при заключении соглашения о финансировании судебных расходов со стороны инвестора (например, установлении непомерно высокого процента от взысканной суммы, подлежащей уплате ему в случае победы стороны в деле, манипулирования понятием «выигрыша в деле» и т.п.) клиенту (стороне судебного разбирательства) также придется самостоятельно на общих основаниях защищать свои права путем обращения в суд с исковым заявлением.

Напротив, при придании соглашению о финансировании судебных расходов статуса процессуального акта, требующего утверждения судом (арбитражным судом) риски нарушений законодательства и иных злоупотреблений многократно снижаются, а в случае неиспол-

нения указанного соглашения оно будет исполнено в принудительном порядке на основании исполнительного листа.

Поэтому предлагается дополнить нормы Гражданского процессуального кодекса и Арбитражного процессуального кодекса отдельными статьями, предусматривающими право сторон и третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора, заключить соглашение о финансировании судебных расходов третьим лицом, не имеющим заинтересованности в деле, и предусмотреть обязательное утверждение этого соглашения судом общей юрисдикции или арбитражным судом с последующей выдачей на него исполнительного листа (по аналогии с мировым соглашением). Также нужно закрепить положение о том, что соглашения о финансировании судебных расходов заключаются в соответствии с требованиями гражданского законодательства о сделках.

Во-вторых, предлагается закрепить право осуществления деятельности по финансированию судебных расходов исключительно за субъектами предпринимательской деятельности, зарегистрированными в установленном российским законодательством порядке. Это позволит компетентным государственным органам в полной мере контролировать соответствие указанной деятельности нормам действующего отечественного законодательства, в частности, законодательства о налогах и сборах.

В-третьих, целесообразно установить государственный контроль за деятельностью лиц и организаций, оказывающих услуги по предоставлению денежных средств для покрытия судебных расходов.

Практика однозначно свидетельствует о том, что все сферы общественной жизнедеятельности, лишенные государственного надзора и контроля, неизбежно допускают многочисленные злоупотребления. Так было в период действия законодательства о третейских судах, в соответствии с которым третейские суды создавали юридические лица на основа-

¹² Сычева Е.И. Соглашение о распределении судебных расходов в арбитражном процессе // Наука и современность. 2010. № 2–3. С. 362.

нии своих внутренних актов и самостоятельно определяли правила и сферы их деятельности, а также назначали третейских судей. Такой диспозитивный подход привел к многочисленным «карманным» и откровенно криминальным третейским судам, при помощи которых осуществлялись, в частности, рейдерские захваты имущества. Принятие нового закона о третейских судах, закрепившего административно-разрешительную процедуру их создания, учет и государственный надзор за их деятельностью, явилось правильным и прогрессивным шагом, благодаря чему злоупотребления в сфере третейского разбирательства неуклонно сокращаются.

Аналогичным образом принятие закона о медиации в 2010 г. породило большое количество медиативных соглашений, заключенных с нарушениями законодательства. Предпринятые в дальнейшем меры по упорядочению и контролю за деятельностью медиаторов приносят свои плоды, но, по моему убеждению, нуждаются в усилении. Ин-

ститут судебной медиации справедливо «отдан» судьям в отставке — это способствует облегчению контроля за законностью заключаемых в гражданском и арбитражном судопроизводствах мировых соглашений.

Что касается инвесторов, представляющих сторонам судебных разбирательств финансовые средства для покрытия судебных расходов, то их деятельность должна строго регулироваться государством. Полагаю, что именно суд как орган государственной власти посредством утверждения соглашений о финансировании судебных расходов будет полноценно осуществлять контроль за законностью их деятельности. При этом видится необходимым формирование при судах общей юрисдикции и арбитражных судах списков таких инвесторов, в которые должны включаться организации и лица, осуществляющие эту деятельность на законных основаниях, добросовестно, имеющие высокую профессиональную и деловую репутацию.

Литература

1. Афанасьев С.Ф. К вопросу о взыскании судебных расходов в связи с понесенными судебными расходами в контексте современной гражданской процессуальной политики / С.Ф. Афанасьев // Правовая политика и правовая жизнь. 2020. № 2. С. 56–62.
2. Болдырева Н.Н. Судебные расходы в гражданском судопроизводстве / Н.Н. Болдырева // Архивариус. 2020. № 1 (46). С. 43–45.
3. Гольмстен А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства / А.Х. Гольмстен. 5-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург : Тип. М. Меркушева, 1913. 411 с.
4. Дегтярев С.А. Судебные расходы как элемент принципа доступности в гражданском судопроизводстве / С.А. Дегтярев // Пермский юридический альманах. 2020. № 3. С. 88–95.
5. Егорова Т.В. Сущность института судебных расходов в арбитражном процессе / Т.В. Егорова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 7 (75). С. 407–415.
6. Закирова О.Н. Проблемы компенсации судебных расходов в процессуальном праве РФ / О.Н. Закирова // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2017. № 1 (38). С. 18–22.
7. Курбанов Д.А. К вопросу о судебных расходах по процессуальному законодательству Англии / Д.А. Курбанов // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2018. № 1 (79). С. 93–98.
8. Мустафин Р.Ф. Институт судебного инвестирования: состояние и перспективы развития / Р.Ф. Мустафин, С.А. Мустафина, Е.А. Ильяшенко // Юрист-Правовед. 2020. № 4 (95). С. 192–195.
9. Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства / Е.А. Нефедьев. Издание третье. Москва : Тип. Императорского Московского Университета, 1908. 404 с.
10. Пронина М.П. Проблема влияния чрезмерности судебных расходов на доступность правосудия / М.П. Пронина // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 4 (20). С. 109–113.
11. Сычева Е.И. Соглашение о распределении судебных расходов в арбитражном процессе / Е.И. Сычева // Наука и современность. 2010. № 2–3. С. 361–366.

К вопросу о доказывании по делам о лишении родительских прав

Котлярова Вера Викторовна,
доцент кафедры гражданского процессуального и предпринимательского права
Самарского национального исследовательского университета
имени академика С.П. Королева,
кандидат юридических наук
vera-er@mail.ru

В статье анализируются отдельные вопросы доказывания по делам о лишении родительских прав, в частности, по основанию за уклонение от выполнения родительских обязанностей. В настоящее время процесс сбора и представления доказательств, подтверждающих факт неучастия родителя в материальном содержании ребенка, является достаточно сложным и длительным, а также в совокупности требуется доказывание других проявлений виновного поведения. На практике это приводит к большому числу отказов в удовлетворении требований о лишении родительских прав лиц, которые продолжают далее пренебрегать своими родительскими обязанностями. В этой связи представляется целесообразным рассмотрение института лишения родительских прав как необходимой меры для защиты прав и интересов ребенка и обеспечения его безопасности. Видится актуальной выработка и принятие соответствующих разъяснений, конкретизирующих круг фактических обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения указанной категории дел.

Ключевые слова: родительские обязанности, уклонение от уплаты алиментов, лишение родительских прав, судебное доказывание.

Государство стоит на защите семьи, материнства и детства (ст. 38 Конституции Российской Федерации (далее также — РФ)¹. Законом закреплено право ребенка на воспитание, обеспечение интересов, всестороннее развитие, уважение достоинства. Названные права коррелируют с соответствующими обязанностями родителей по воспитанию, развитию, содержанию и защите прав детей (ст. 54, 63, 64 Семейного кодекса Российской Федерации (далее — СК РФ)²).

В реальной жизни мы становимся невольными свидетелями случаев ненадлежащего поведения родителей в отношении детей, за которое

порою следовало бы лишить родительских прав. Но судами лишение родительских прав рассматривается в качестве крайней меры ответственности за виновное поведение родителей по исчерпывающему перечню оснований, установленных семейным законодательством (ст. 69 СК РФ), когда уже иным образом защитить права ребенка невозможно³.

В силу специфики данной категории дел на практике вскрывается ряд проблем, связанных с доказыванием, и, как правило, по такому основанию, как уклонение от выполнения обязанностей родителей, включая злостное уклонение от уплаты алиментов, лишение родительских прав производится нечасто.

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

² Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

³ См. подробнее: п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 1.

Родитель не может по собственной инициативе отказаться от своих родительских прав и обязанностей по воспитанию ребенка, поскольку такой отказ не предусмотрен законодательством. За ненадлежащее исполнение родительских обязанностей или отказ от их исполнения установлена правовая санкция в виде лишения родительских прав. «Добровольная утрата» родительских прав и обязанностей может быть произведена лишь в случае, когда родитель сам дает согласие на усыновление своего ребенка конкретным лицом либо без указания такого лица (ст. 129 СК РФ).

При этом в случае признания ответчиком иска о лишении родительских прав судебные решения об удовлетворении указанных требований не могут быть основаны исключительно на указанном согласии ответной стороны. Суд в любом случае должен установить все обстоятельства по делу и дать оценку всем представленным доказательствам. Судебные решения, основанные только на признании исковых требований родителем, презюмируются не соответствующими законодательству⁴.

Согласно разъяснениям ВС РФ, уклоняющимся от выполнения обязанностей по воспитанию является родитель, который не заботится о здоровье, о физическом, психическом, духовном и нравственном развитии, образовании ребенка⁵. Доказательствами могут выступать справки и характеристики из образовательного учреждения, из развивающих центров (кружков, секций), справки из поликлиники, документаль-

ные данные органа опеки и попечительства, что семья состоит на учете как находящаяся в социально опасном положении, акт обследования жилищно-бытовых условий, заключение о социально-психологическом обследовании ребенка, свидетельские показания и т.д.

«Злостность» уклонения от уплаты алиментов определяется продолжительностью и причинами неуплаты средств на содержание несовершеннолетнего, свидетельством чему могут выступать факты задолженности по алиментным обязательствам, сокрытия места работы или реального размера заработка и иного дохода, розыска плательщика алиментов и т.д.⁶ (подтверждается судебным приказом, нотариальным соглашением, постановлением о возбуждении исполнительного производства, постановлением судебного пристава-исполнителя о расчете задолженности, выписками по счетам кредитных организаций, квитанциями о почтовых переводах, расписками и т.д.).

Также при решении вопроса о лишении родительских прав суды обращают внимание, привлекался ли родитель к административной (ч. 1 ст. 5.31.1. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ⁷) или уголовной (ч. 1 ст. 157 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ⁸) ответственности за неуплату средств на содержание ребенка, что является подтверждением злостного уклонения от уплаты алиментов⁹ (в материалы дела могут представляться постановление мирового судьи

⁴ Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20 июля 2011 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 7; Решение Волжского районного суда Самарской области от 5 июня 2019 г. по гражданскому делу № 2-1269/2019. URL: <https://sudact.ru>; и т.д.

⁵ См. подробнее п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 1.

⁶ Там же.

⁷ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Уголовный кодекс Российской Федерации от 24 мая 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁹ См., например: Решение Промышленного районного суда г. Самары от 11 мая 2018 г. по гражданскому делу № 2-1753/2018. URL: <https://sudact.ru>; Решение Промышленного районного суда г. Самары от 29 апреля 2019 г. по гражданскому делу № 2-1027/2019. URL: <https://sudact.ru>

по делу об административном правонарушении, приговор районного суда). Отметим, что вступившие в силу с 15 июля 2016 г. изменения и дополнения в КоАП РФ и УК РФ, когда из диспозиции ст. 157 УК РФ законодателем был изъят признак «злостность» и введена административная преюдиция, привели к повышению сложности доказывания уклонения от уплаты алиментов и более длительным срокам сбора доказательственного материала по данной категории дел, поскольку привлечение к уголовной ответственности стало возможно только в случае если виновное лицо уже привлекалось к административной ответственности по ст. 5.31.1. КоАП РФ и не истек срок, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию. Поэтому произошло усложнение и увеличение сроков процесса сбора доказательств, подтверждающих уклонение «алиментобязанного» лица, когда вначале следует «добиться» привлечения к административной ответственности, а потом — к уголовной. Также усложнился алгоритм работы судебных приставов-исполнителей, на первом этапе составляющих и направляющих в суд протокол об административном правонарушении в случае неисполнения должником в течение двух месяцев обязанности по уплате алиментов, а уже на втором этапе составляющих рапорт об обнаружении признаков уголовного преступления (в случае неисполнения должником указанной обязанности в течение двух месяцев со дня окончания исполнения постановления о назначении административного наказания без уважительных причин)¹⁰. При этом, исходя из разъяснений Пленума ВС РФ, допускается лишение родительских прав в случае привлечения родителя только к административной ответственности. Но в юридической литературе отдельными авторами обращается внимание на нецелесообразность указанной пози-

ции¹¹ и несоответствие логике законодателя.

Суд определяет круг участвующих лиц, устанавливает все юридически значимые обстоятельства по делу и в случае доказанности виновного поведения родителя выносит решение о лишении родительских прав. Однако на практике не все так однозначно и доказать злостный характер уклонения от уплаты алиментов бывает затруднительно, если недобросовестный родитель платил их хаотично и в небольших размерах с целью избежать привлечения к юридической ответственности, но, узнав о возбуждении административного дела, частично погасил задолженность и представил копии квитанций об оплате, а также, например, справку о болезни или о недавнем трудоустройстве.

При этом не будет являться достаточным основанием для лишения родительских прав лишь факт задолженности или незначительный размер выплачиваемых алиментных платежей, если судом не установлено также и других проявлений виновного поведения родителя¹², поскольку институт лишения родительских прав рассматривается как исключительная мера семейно-правовой ответственности. В реальности это приводит к тому, что большое количество родителей, открыто уклонявшихся от содержания и воспитания ребенка, не лишаются по решению суда родительских прав и продолжают далее пренебрегать своими родительскими обязанностями. В этой связи представляется, что лишение родительских прав по правовой природе представляет собой не меру ответственности родителя за виновное поведение, а необходимую меру для защиты прав и интересов ребенка и обеспечения его безопасности. Почему не может быть лишено родитель-

¹¹ Жирикова К.А., Саядян С.Г. К вопросу о практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка // Российская юстиция. 2018. № 6. С. 55–57.

¹² Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20 июля 2011 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 7.

¹⁰ Письмо Федеральной службы судебных приставов от 5 июля 2016 г. № 00043/16/60663-СВС «О порядке применения положений федеральных законов» // СПС «Гарант».

ских прав лицо, много лет отсутствовавшее рядом с ребенком без уважительных причин, когда игнорирование существования своего ребенка уже само по себе является виновным поведением и явно свидетельствует о его уклонении от исполнения родительских обязанностей? Однако заявитель вынужден собирать и представлять в суд доказательства, свидетельствующие не только о многолетнем отсутствии родителя, но и о других фактах виновного поведения родителя.

Даже при доказанности виновного поведения родителя суд может отказать в удовлетворении иска и предупредить ответчика о необходимости изменения своего отношения к воспитанию детей¹³. Так, решением суда первой инстанции, оставленным без изменения апелляционным судом, истце отказано в удовлетворении требований о лишении родительских прав. Ответчик длительное время не заботился о воспитании, здоровье и развитии ребенка, с него взысканы алименты на содержание ребенка, от уплаты которых он злостно уклонялся, а после вынесения судебного акта о присуждении алиментов убыл в неизвестном направлении. Но в судебном заседании ответчик искивные требования не признал, пояснил, что начал погашать задолженность по уплате алиментов, на некоторое время уезжал из города, в настоящее время работает и пытается наладить отношения с истцом для общения с ребенком¹⁴.

Поэтому в судебной практике встречаются случаи, когда родитель явно пренебрегает своими родительскими обязанностями, не отрицая отсутствия каких-либо чувств и нежелания общаться с ребенком, умышленно уклоняется

от его содержания, но суд выносит решение о необходимости предупреждения о недопустимости такого поведения или ограничения в родительских правах, указывая, что лишение родительских прав, будучи суровой мерой, является преждевременным (случаи невыполнения родительских обязанностей вследствие стечения тяжелых обстоятельств и по другим причинам, не зависящим от лица, не рассматриваются).

Нельзя положительно не отметить принятое недавно Постановление Пленума ВС РФ № 6 от 27 апреля 2021 г.¹⁵, которым установлены «повышенные правила социальной защиты детей» относительно порядка привлечения к административной ответственности по ст. 5.31 КоАП РФ в случае неуплаты алиментов или их уплаты в меньшем размере в течение двух месяцев и более. Однако на данный момент пока отсутствует обширная судебная практика, исходя из ее анализа можно было бы делать выводы.

Ввиду отсутствия законодательной регламентации понятия «лишение родительских прав» в научной литературе обоснованно предлагается его легальное закрепление, но как «исключительной меры семейно-правовой ответственности»¹⁶. В то же время представляется, что данный правовой институт должен рассматриваться не столько как мера ответственности, сколько как мера, направленная на защиту прав и законных интересов ребенка, на защиту от злоупотреблений со стороны родителей, на обеспечение его безопасности.

¹³ См. подробнее: п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 1.

¹⁴ Апелляционное определение Московского городского суда от 2 августа 2019 г. по делу № 33-31075/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2021 г. № 6 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, связанных с неуплатой средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей» // Российская газета. 2021. 5 мая.

¹⁶ Зыков С.В. О выражении в законодательстве исключительного характера применения лишения родительских прав в качестве меры семейно-правовой ответственности // Семейное и жилищное право. 2017. № 2. С. 9–11; Шиманчик К.В. К вопросу о лишении родительских прав как крайней мере семейно-правовой ответственности // Семейное и жилищное право. 2020. № 2. С. 26–29.

Бесспорно, дела о лишении родительских прав являются одними из самых сложных, когда каждый случай уникален. На судью возлагается огромная ответственность правильно установить все обстоятельства по делу и дать надлежащую оценку доказательствам, поскольку в случае судебной ошибки «цена вопроса» может быть слишком велика, когда принудительным образом разрывается естественная связь между ребенком и родителем. Сложность также состоит в том, что суду бывает затруднительно установить, не скрываются ли за показаниями родителя, решившего встать на путь исправления, низменные желания не быть лишенным каких-либо материальных благ (право на социальные выплаты, право требования с ребенка алиментов на свое содержание в будущем, право наследования и т.д.), что выявить крайне сложно. Существует большой процент дел в судебной практике, когда якобы «раскаившийся» родитель, явившись в судебное заседание, заявляет о намерении возобновить общение с ребенком, объясняя отсутствие контакта сложившимися конфликтными отношениями со вторым родителем, предъявляя документы в подтверждение частичной оплаты алиментов. Суд, учитывая, что лишение родительских прав является крайней мерой семейно-правовой ответственности, отказывает истцу и предупреждает родителя о необходимости изменения своего отношения к ребенку или ограничивает в

родительских правах. Но зачастую указанные меры никак не действуют на недобросовестного родителя, продолжающего далее пренебрегать своими обязанностями. Поэтому истец через определенный период времени повторно вынужден собирать большое количество доказательств для обращения в суд с заявлением о лишении родительских прав, что порою сравнимо с «хождением по мукам», поскольку сложно представить, какие бюрократические барьеры приходится преодолевать порядочному родителю или органу опеки и попечительства ради торжества справедливости.

В свете изложенного представляется целесообразной нормативная регламентация понятия института лишения родительских прав как меры, направленной на защиту прав и законных интересов ребенка, на обеспечение его безопасности и благополучия, а также выработка и принятие на уровне высшей судебной инстанции соответствующих разъяснений, конкретизирующих круг фактических обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения указанной категории дел, признавая факт привлечения к административной ответственности за уклонение от уплаты алиментов достаточным во взаимосвязи с другими доказательствами для доказывания виновного поведения, а именно невыполнения родительских обязанностей, что является одним из оснований лишения родительских прав.

Литература

1. Жирикова К.А. К вопросу о практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка / К.А. Жирикова, С.Г. Саядян // Российская юстиция. 2018. № 6. С. 55–57.
2. Зыков С.В. О выражении в законодательстве исключительного характера применения лишения родительских прав в качестве меры семейно-правовой ответственности / С.В. Зыков // Семейное и жилищное право. 2017. № 2. С. 9–11.
3. Шиманчик К.В. К вопросу о лишении родительских прав как крайней мере семейно-правовой ответственности / К.В. Шиманчик // Семейное и жилищное право. 2020. № 2. С. 26–29.

JUSTICE OF THE PEACE

No. 10 2021

SCIENTIFIC-PRACTICE INFORMATION JOURNAL.

Registered with the Federal service for supervision in the sphere of mass communications and protection of cultural heritage.
REG. PI No. FC77-29335 of August, 24, 2007. Published monthly. Published since 2003.

Founder of the journal — Jurist Publishing Group

EDITOR IN CHIEF:

Doroshkov Vladimir Vasil'evich,
Professor of the Chair of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminal
Investigative Technique of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
Secretary of the Plenum (Retired), Judge of the Supreme Court of the RF,
Honored Lawyer of the RF, LL.D., Professor,
Corresponding Member of the Russian Academy of Education

EDITORIAL BOARD:

Apostolova Natal'ya Nikolaevna,
Professor of Procedural Law Southern-Russian Institute
of Management of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the RF,
LL.D., Associate Professor

Voskobitova Lidiya Alekseevna,
Head of the Chair Criminal Procedural Law of the Kutafin Moscow
State Law University (MSAL), LL.D., Professor

Golovko Leonid Vital'evich,
Head of the Chair of Criminal Procedure, Justice and Prosecutor's
Supervision of the Lomonosov Moscow State University, LL.D., Professor

Kaplina Oksana Vladimirovna,
Head of the Department of criminal process of the Yaroslav
the Wise National Law University (Kharkov, Ukraine),
LL.D., Professor

Lazareva Valentina Aleksandrovna,
Professor of the Department of Criminal Procedure and Forensic Science
of the Samara National Research University named after Academician
S.P. Korolev, LL.D., Professor

Pavlikov Sergej Gerasimovich,
Head of the Department of Legal Regulation of Economic Activity
of the Financial University under the Government of the RF,
LL.D., Professor

Patov Nikolai Alexandrovich,
Vice-Rector of the Moscow Psychological and Social University (MPSU),
Doctor of Pedagogy, PhD (Law), Professor,
Academician of the Russian Academy of Education

Popov Ivan Alekseevich,
Chief Researcher of the Research Center No. 5 of the All-Russian Research
Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Honored Employee of the Ministry of Internal Affairs of the RF,
Honored Lawyer of the RF, LL.D., Professor

Primak Tat'yana Klavdievna,
Head of the Department of Civil Law and the Process
of the Kant Baltic Federal University, LL.D., Professor

Sachkov Andrej Nikolaevich,
Judge of the Rostov Regional Court, Professor of the Theory and History
of State and Law Department of the Rostov Branch of the Russian State
University of Justice, PhD (Law), Associate Professor

CHAIRMAN OF THE EDITORIAL BOARD:

Kolokolov Nikita Aleksandrovich,
Judge of the Supreme Court of the RF (retired), LL.D., Professor

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:

Grib V.V., Honored Lawyer of the RF, LL.D., Professor,
Corresponding Member of the Russian Academy of Education

Deputy Editors in Chief of Jurist Publishing Group:

Babkin A.I., Belykh Y.S., Renov E.N., Platonova O.F., Truntsevskij Yu.V.

Editorial Office: Lapteva E.A., Solovyova D.V.

Scientific editing and proofreading:
Shvechkova O.A., PhD (Law).

Address of the Editorial Board / Publisher:
Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb., Moscow, 115035.

Tel.: (495) 953-91-08.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Editorial Subscription Centre:

(495) 617-18-88 (multichannel).

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Russian subscription: Unified Catalogue. Russian Press — 15093,

Russian Post — IT1700 and on: www.lawinfo.ru

Contents

The Judiciary

S.V. Lonskaya, E.S. Fadeeva, E.O. Plotnikova.

The Professional Subculture of Justices
of the Peace (Following the Results
of the Research in the Kaliningrad Region).

Part 2 2

Criminal Proceedings

N.N. Kovtun. Conflicts in Calculating
the Terms of the Property Arrest
and Pre-Trial Investigation in the Context
of the Stay of Proceedings 7

L.A. Pupysheva. Special Proceedings
in the Modern Differentiated Criminal Procedure
in Russia: Types, Interaction with the Main
Proceedings, Methods of the Regulatory
Expression in the Criminal Procedure Code
of the Russian Federation 12

A.A. Yarkov. On the Determination
of Competence of a Candidate for the Position
of a Forensic Expert 21

Civil Proceedings

E.V. Mikhaylova. On the Concept of the Institution
of Financing of Legal Costs by Third Parties. 25

V.V. Kotlyarova. On Proving in Cases
on Deprivation of Parental Rights 33

Opinions of the authors may not coincide with the point of view of the editors.

Use of materials in others editions allowed only with the written consent
of the publisher. Reference to the magazine is required.

Recommended by the Higher Attestation Commission
under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
for publications of basic results of PhD and doctoral theses
(12.00.09; 12.00.10; 12.00.11; 12.00.15 (law science))

For the attention of our authors!

The journal's materials shall be placed at
ConsultantPlus reference legal system.

Size 170x252. Offset printing. Offset paper No. 1.
Printer's sheet 3,0. Conventional printing sheet 3,0.
Free market price. Circulation 4000 copies. ISSN 2072-4152.
Printed by National Polygraphic Group Ltd.
Bldg. 2, street Svetlaya, s. Severnij, Kaluga, 248031.
Tel.: (4842) 70-03-37.

Passed for printing: 10.09.2021. Issue was published: 23.09.2021.
Complete or partial reproduction of materials without written
permission of authors of the articles or the editorial board
shall be prosecuted in accordance with law.

Journal is included in the database of the Russian
Science Citation Index **eLIBRARY.RU**

The Professional Subculture of Justices of the Peace

(Following the Results of the Research in the Kaliningrad Region). **Part 2**

Svetlana V. Lonskaya

Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of the Immanuel Kant Baltic Federal University
LL.D., Associate Professor

Elena S. Fadeeva

Senior Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law
of the Immanuel Kant Baltic Federal University

Elina O. Plotnikova

Court Hearing Secretary of the Department of Enforcement of Proceedings in Criminal Cases
of the Kaliningrad Regional Court
LL.M.

The second part of the article presents the results of a research of professional subculture of justices of the peace in the Kaliningrad region, which was conducted in 2018-2020. A general description of the structure of the corps of justices of the peace in the Kaliningrad region is given; the basic cultural and professional values, norms and guidelines of the justices of the peace that define their activities were identified; links have been established between the professional background of the magistrate and his awareness of the mission of his activities. The study showed that justices of the peace in the Kaliningrad region feel that they are part of the unified judicial system of Russia, they feel they belong to the same judicial community, their corporate culture is rather monolithic. The justice of the peace is considered by magistrates in the Kaliningrad region primarily in line with normative (statutory) values: as a tool to ensure the rule of law and protect the human rights, based on the effective functioning of which are such qualities as a competence, and independence. Doctrinal values are less understood. The factors of the formation of a professional subculture are noted: the dominance of women in the judiciary, the apparatus professional background, low territorial mobility. A further study of the identified characteristics and factors, including not only within the framework of one subject of the Russian Federation, seems to be a promising direction in the study of the institution of justices of the peace, and the monitoring of public authorities.

Keywords: justice of the peace, magistrate, legal culture, professional subculture, the questionnaire survey, Kaliningrad region.

Conflicts in Calculating the Terms of the Property Arrest and Pre-Trial Investigation in the Context of the Stay of Proceedings

Nikolay N. Kovtun

Professor of the Department of Criminal Procedure
of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
LL.D., Professor

The subject of research in this paper is a somewhat veiled regulatory conflict associated with the correlation between (correct calculation of) the terms of the pre-trial investigation in a case and the duration of the procedural coercion measure in form of the property arrest, which has been resolved neither by means of any legal positions of the supreme constitutional justice authority of Russia and the Supreme Court of the Russian Federation, nor by introducing the latest novelties in the criminal procedure law.

Keywords: property arrest term, pre-trial investigation term, stay of proceedings in a case, term suspension and calculation, subject of the judicial examination and assessment in setting (extending) yet another property arrest term.

Special Proceedings in the Modern Differentiated Criminal Procedure in Russia: Types, Interaction with the Main Proceedings, Methods of the Regulatory Expression in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation

Lyubov A. Pupyshcheva

Associate Professor of the Department of Criminal Procedure
of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
PhD (Law)

The article continues the discussion about special proceedings in the modern differentiated criminal process in Russia. The author focuses on their types, determines the ways of their normative expression in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, and also examines the issues of interaction of special criminal procedural proceedings with the main criminal proceedings.

Keywords: criminal proceedings, differentiation of criminal proceedings, special proceedings, special procedure of criminal proceedings, judicial procedure for consideration of complaints, proceedings on the use of compulsory medical measures, execution of a sentence.

On the Determination of Competence of a Candidate for the Position of a Forensic Expert

Andrey A. Yarkov

Lecturer of the Department of Civil Law and Procedure of the Law Institute of the Chelyabinsk State University

The article considers a problem dedicated to one of the significant participants in the judicial process — an expert, namely, the determination of his competence. The analysis of normative legal acts in the field of forensic examination is made, the points of view of representatives of the scientific community are presented, and there is also a reference to the materials of judicial practice. The solution of the stated problem is proposed by making the necessary changes to the current legislation.

Keywords: special knowledge, expert, expert competence, expertise, forensic expert institutions.

On the Concept of the Institution of Financing of Legal Costs by Third Parties

Ekaterina V. Mikhaylova

Leading Research Scientist of the Department of Civil Law, Civil and Arbitral Procedure of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (ISL RAS)

LL.D., Associate Professor

The article examines the issue of the possible legislative consolidation of the institution of financing court costs by third parties in civil and arbitration proceedings. It is shown that the amount of court costs is one of the factors that determine the degree of accessibility of justice in our state. At the same time, effective and efficient justice requires serious financial investments, and in accordance with the principle of independence of the court and the judiciary, the financing of courts is carried out exclusively by budget funds. At the same time, the burden on the judicial system is steadily growing, the number of civil cases considered by courts of general jurisdiction and arbitration courts is constantly increasing. The institution of legal costs needs to be updated, improved, and a mechanism must be introduced into it to ensure the availability of justice for all segments of the population, on the one hand, and sufficient financial support for the judicial system, on the other. The institution of financing court costs by third parties can become such a mechanism. It has been proven that, in order to avoid possible abuse, agreements on the financing of court costs should be of a procedural nature, approved by the court considering the case, which will ensure its stability and enforceability, and the lists of investors should be formed by the courts.

Keywords: civil process, arbitration process, court costs, state duty, court costs, financing of court costs.

On Proving in Cases on Deprivation of Parental Rights

Vera V. Kotlyarova

Associate Professor of the Department of Civil Procedure and Entrepreneurial Law of the Samara National Research University

PhD (Law)

The article analyzes certain issues of evidence in cases of termination of parental rights, in particular, on the basis of evasion of parental responsibilities. At present, the process of collecting and presenting evidence confirming the fact of the parent's non-participation in the material maintenance of the child is rather complicated and lengthy, and in the aggregate, it is required to prove other manifestations of guilty behavior. In practice, this leads to a large number of refusals to satisfy claims for termination of parental rights by persons who continue to further neglect their parental responsibilities. In this regard, it seems appropriate to consider the institution of termination of parental rights as a necessary measure to protect the rights and interests of the child and ensure his safety. It seems relevant to develop and adopt appropriate explanations that concretize the range of factual circumstances that are important for the correct resolution of this category of cases.

Keywords: parental duties, evasion of payment of alimony, termination of parental rights, judicial proof.